

18+

Георгий Нипан

АЛАЯ РАКОВИНА СЕРДЦА

инди-новеллы

Георгий Нипан

**Алая раковина
сердца. Инди-новеллы**

«Издательские решения»

Нипан Г.

Алая раковина сердца. Инди-новеллы / Г. Нипан —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516390-5

Реальные чувства, сжигающие дотла, и нереальные обстоятельства,
ускоряющие процесс медленного тления до взрывного самоуничтожения.

ISBN 978-5-00-516390-5

© Нипан Г.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Неделя первая	7
Улыбка пингвина	7
Чайка над чашкой чая	14
Совы нежные	20
Шепот бабочки	24
На крыльях стрекозы	30
Полет шмеля	36
Возвращение Бурка	39
Неделя вторая	45
Алая раковина сердца	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алая раковина сердца Инди-новеллы

Георгий Нипан

© Георгий Нипан, 2020

ISBN 978-5-0051-6390-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Пытаюсь уйти от серости, но из серого два выхода – в белое и в черное. Иногда заносит в черное, но есть люди, ради которых возвращаюсь в белое. Стараюсь, чтобы каждая новелла задела за живое. Зачем иначе писать?

Приоритетная выкладка книги во всех международных космических станциях не поможет достучаться до небес, а социальные сети не помогут достучаться до сердец. Случайно наткнитесь и попробуйте почитать. Новеллы разбиты по неделям, по одной в день.

Чтение противопоказано любителям документальной прозы. Некоторые новеллы написаны почти двадцать лет назад, когда девайсы и пластиковые карты ещё только уносили нас в цифровое море. Не вижу смысла дополнять и переписывать новеллы ради формального соответствия современности. Технические средства стареют ежесекундно, а вот чувства сохраняются во времени.

Оставляю новеллы в первоизданном виде.

Неделя первая

Улыбка пингвина

*Глупый пингвин робко прячет
тело жирное в утесах...*

М. Горький «Песня о Буревестнике»

Трудно прятаться в лесу, когда светит солнышко, а на тебе белая сорочка и черный фрак. Даже маленькие березки и елочки не помогут. Особенно если ты любитель сырой рыбы и мыться с мылом тебе не приходилось. Любая собака найдет!

Она и нашла. Стоит, высунув язык, и рассматривает, наклоняя свою большую голову то влево, то вправо. Хорошо хоть не лает. Видно – добрая. Можно было бы угрожающе щелкнуть клювом и воинственно помахать крыльями-ластами, но по глазам видно, что собака смелая и с места не тронется. Шлепнет лапой, и свалишься на шишки. С другой стороны, сам от нее не удерешь. Куда там двум коротким лапам бегать от четырех длинных! Да еще и по кочкам. Вот ведь напасть!

– Эй, благородный Гектор! Ты что там нашел? – прорезал напряженную ситуацию человеческий голос.

Только людей здесь не хватало!

«Какого-то смешного толстяка, Ксюша!» – твякнул сенбернар Гектор, обозначив свое местонахождение. Раздвигая низкорослые деревца, на голос собаки вышла девушка лет пятнадцати, худенькая и светленькая. В черном свитере, синих джинсах и белых кроссовках. Увидев находку Гектора, она захохотала и принялась кричать:

– Ма! Па! Быстро шлепайте ко мне. Смотрите, кого Гектор нашел!

Ксюша присела на корточки, обхватив могучую шею сенбернара, и принялась рассматривать обладателя белой сорочки и черного фрака.

– Ой, какой забавный! Тебе нравится, Гектор?

Молчаливый Гектор вместо ответа лизнул розовым языком белый живот толстяка. Толстяк определенно вызывал у него симпатию. Наконец подошли, одетые в джинсы и штормовки, Ксюшины мама и папа.

– Пингвин!!! – воскликнула мама.

– «У Пегги жил смешной пингвин, он наизусть знал марки вин...» – пропел папа.

– Он, наверное, потерялся. Надо его отдать в зоопарк. Мы туда позвоним, они приедут и заберут, – глубокомысленно произнесла мама.

– Не потерялся, а сбежал из зоопарка, – заметил папа. – Ближайшие зоопарки в Ижевске, – вспоминал папа, – Перми и Екатеринбурге. В Ижевске маленький, и пингвин для них роскошь. Екатеринбург – маловероятно, по пути горы. Таким образом, наш орел дал деру из Перми, а это больше трехсот километров на юг.

– Зачем он бежит на север, когда ему надо в Антарктиду? – У Ксюши была пятерка по биологии.

– Как-то чувствует, что до Антарктиды страшно далеко и пробирается в Арктику, точнее, к Северному Ледовитому океану. Скорее всего, – выстраивал предположения папа, – он плыл по Камскому водохранилищу, пока не столкнулся со встречным течением самой Камы. Плыть против течения тяжело, поэтому он выходит на берег передохнуть. Не добраться ему до океана!

– Папа, почему? – спросила Ксюша. – Он же триста километров уже одолел!

– До океана еще больше тысячи километров, а бесконечно везти не может. У него на родине один враг – морской леопард, да и тот в воде, где он сам король, а на суше, покрытой льдом, только полярники, сплошь инженеры да ученые. Здесь же кругом враги: в лесу звери, а на реках люди, далеко не полярные исследователи. Его же вороны заклюют, волки загрызут и бурые мишки слопают.

– Что же делать, папа?

– Я же говорю, в зоопарк вернуть, – вклинилась мама.

– Можно домой забрать, – предложил папа. – Будете втроем вечерами гулять: ты, Гектор и пингвин. Все окрестные собаки вместе с хозяевами будут ваши.

– Пап, я серьезно. Не хочет он в неволе жить! Он доплывет до океана. Ему бы только добраться до Печоры, она ведь на север течет.

У Ксюши и по географии была пятерка, и вообще она хорошо училась в школе, но папа, в юности увлекавшийся походами на байдарках, представил реальный водный путь к океану и сказал:

– Хорошенькое дело – добраться до Печоры! Для этого надо попасть в устье Южной Кельтмы. Подняться вверх по этой сплавной реке, утыканной топляками и пыжами, до притока Джурича. По Джуричу, через три переката, проплыть до заброшенного Северо-Екатерининского канала. Преодолев разрушенные шлюзы канала, выйти к Северной Кельтме. Это приток Вычегды. Дальше сам не ходил, но знаю из рассказов ребят. Надо плыть в верховья Вычегды до устья Чери-Вычегодской или Ежва-Чери, и пройти до ее истока. Затем около километра пешком по волоку до Чери-Ижемской, по которой спуститься вниз до Ижмы, сплошь покрытой нефтяными пятнами, а уж Ижма вынесет в Печору. Ну а Печора доведет до океана, в котором пингвина ждут добрые белые медведи.

Папа потер переносицу, что было явным свидетельством принятия какого-то важного решения.

– Мы можем подбросить его до Южной Кельтмы. На нашем «Аллюре» это около двух часов хода, ну и назад часа четыре. К вечерним программам новостей вернемся в Березняки.

– Ой, папка! Какой ты мудрый! – завизжала Ксюша.

– Так, – заметила мама, – как меня подвезти за десять минут на работу, так это не по пути, а пингвинов развозить за сотни километров, так это мы добрые гуманисты-гринписовцы!

– Ну мама, – укоризненно протянула Ксюша.

Папа ничего не ответил маме. Он сам был такой же неукротимый в достижении своей цели, как этот пингвин, и вслух произнес:

– Ладно, я иду к моторке. Она осталась у нас без присмотра, а тут на реке ловкачей хватает. Кладите вашего Амундсена на мою штормовку и несите в лодку.

Папа снял штормовку, и, раздвигая кустарник, пошел к Каме. Ксюша расстелила штормовку, а Гектор принялся носом подпихивать к ней пингвина.

– Этот поросенок так уделает куртку, что в ней можно будет ходить только в рыбный магазин! – опять не удержалась от комментария мама, и демонстративно скрестила руки на груди.

Наконец Гектору удалось загнать пингвина на штормовку, но укладываться на спину или живот он никак не желал. После очередной попытки Гектора вернуть его в горизонтальное положение пингвин как Ванька-встанька поднимался на лапы и возмущенно размахивал крыльями-ластами. Тут даже мама не выдержала и засмеялась, после чего, глядя на упрямые, но безуспешные попытки Ксюши, завернуть пингвина в брезент, взялась за правый рукав куртки. Ксюша взялась за левый рукав. Пингвин оказался в мешке, из которого торчала только голова. Мама и Ксюша приподняли штормовку и понесли пингвина к лодке. Сзади шел Гектор, не позволяя борцу за свободу выбраться из брезента.

Увидев воду, пингвин успокоился и не возмущался, когда его поместили на дно моторной лодки. Впереди сидели папа и мама, а на задней скамье расположилась Ксюша. Гектор мог бы

сидеть рядом, но пристроился возле пингвина, чтобы этот отчаянный парень не попытался вывалиться в воду.

Однако Ксюша и Гектор беспокоились зря: когда «Аллюр» вышел на режим, пингвин как замороженный смотрел на появляющиеся и исчезающие прибрежные пейзажи. Он даже не заметил, как Ксюша тихонько поглаживает его по голове.

– Папа, – крикнула Ксюша, – а как он из зоопарка выбрался?

– Со слоном договорился, – не оборачиваясь, ответил папа, – чтобы тот его хоботом через ограду перенес.

– Ну, папа!

– Думаю, в половодье по канализационной системе. Иногда приходится ради свободы проплыть сквозь дерьмо!

Часа через полтора, сверяясь с картой, папа довел моторку до устья Южной Кельтмы. Пингвина вынесли из лодки на папиной штормовке.

Туристам пора было возвращаться, а пингвину плыть дальше, но уже самому. Он направился к воде и оглянулся, как бы запоминая папу, маму, Ксюшу и Гектора. Добрая душа – Гектор не выдержал и подошел попрощаться. Пингвин не умел обниматься и положил клюв Гектору на плечо.

– Как он, такой и маленький и беззащитный, останется один? – запричитала мама. – Давайте возьмем его домой.

– Он дойдет. Он обязательно дойдет! – сказал папа, протирая носовым платком внезапно вспотевшее лицо. – Ему помогут! У нас любят непокорных.

Папа сел в моторную лодку, следом, всхлипывая, забрались мама и Ксюша. Последним запрыгнул Гектор, только у него хватило мужества не отрываясь смотреть на исчезающую черно-белую фигурку, и он успел увидеть, как пингвин нырнул в речную воду.

Следующая, решающая встреча с людьми произошла через две недели, ночью, возле деревни Канава, название которой как нельзя лучше соответствовало кличкам субъектов, выпивавших у костра. Дембель, Профессор и Опарыш допивали вторую поллитровку дешевой водки, закусывая ее черным хлебом и запеченной рыбой. Опрокинув в горло содержимое стакана, сделанного из пластиковой бутылки, Профессор блаженно выдохнул и вдруг воскликнул, изумленно уставившись в темноту треснутыми стеклами очков:

– Белая горячка!

Дембель и Опарыш проследили за его взглядом. К костру, неуклюже переваливаясь, подошел... пингвин.

– Не бойсь, Профессор, это не «белка». Это пингвин! – закудахтал суетливый и болтливый Опарыш. – Жратва сама к нам пришла! А может, это пингвиниха? – хихикнул Опарыш, открыв рот с остатками гнилых зубов.

Он схватил толстый сук, лежавший возле костра, и направился к пингвину.

– Не смей! – крикнул Профессор, вскакивая на ноги.

Вряд ли тщедушный и изрядно выпивший Профессор успел бы остановить убийцу, если бы пингвин, угрожающе выставив клюв и приподняв крылья-ласты, сам не бросился на Опарыша. А клюв был неплохой! Не хуже, чем у черного ворона.

От неожиданности Опарыш попятился.

– Тебе, гнида, с ним не справиться! – процедил Дембель, поднимаясь на ноги.

Он подошел к пингвину, брезгливо отпихнув Опарыша локтем.

– Не надо, Дембель! – опомнился Профессор. – Прошу тебя, заклинаю. Ты же наверняка крещеный. Он ведь сбежал. Маленький, неуклюжий, сбежал...

– Заткнись, – оборвал его Дембель, присаживаясь возле пингвина на корточки.

В круглых глазах удивительной птицы он не увидел страха. Только возмущение и отвагу. Такими становились глаза у лопухого и беспородного Черныша, когда собачонок бесстрашно

защищал от обидчиков пацана Витьку. Черныша загрыз соседский овчар, а зареванный Витька взял отцовскую двустволку и застрелил гада! Витька не плакал, когда потом его порол отец. Понимал, что за дело. Отец был справедливым мужиком и пообещал соседу, что следующего такого овчара пристрелит сам.

– Ты за кого меня держишь, Профессор? – произнес, не оборачиваясь, Дембель. – Чтобы я ради жрачки замочил пацана, который ушел в побег со своей зоозоны?

Профессор подошел и тоже присел на корточки возле пингвина.

– А что у него за белые кольца вокруг глаз, как очки? – спросил Дембель.

– Это пингвин Адели.

Профессор заволновался и начал говорить быстро, словно захлебываясь словами, опасаясь, что Дембель его оборвет. Не поймет, не почувствует, что пингвин пришел из забытого прошлого, в котором были мама, друзья, красивые девушки и громадная отцовская библиотека.

– Пингвинами Адели их назвал в честь любимой жены французский полярник адмирал Дюмон-Дюрвиль. Они очень любопытные и непугливые, – Профессор посмотрел на Дембеля и понял, что рядом сидит на корточках большой мальчишка: «Ну, да! Только-только восемнадцать стукнуло. Взяли в весенний призыв и отслужил-то меньше месяца», – а когда Адели ухаживают за избранницей, то приносят в подарок камешек. Если она принимает подношение, значит, брачный союз заключен.

– Это они яйцо носят на лапах? – спросил Дембель.

– Нет, это Императорские пингины – большие, красивые, с яркими желтыми пятнами на шее, но людей сторонятся и скучные – часами могут стоять столбом.

Дембель протянул правую руку и аккуратно пожал пингвину крыло, словно ладонь.

– Здорово, братан!

Пингвин в ответ щелкнул клювом и, как показалось Дембелю, улыбнулся.

Дембель повернул голову к Профессору и сказал:

– Он к океану бежит. Давай и мы рванем вместе с ним. Я никогда океана не видел. Все равно нам хана. Меня отстрелят, а ты от водки сдохнешь. На белых льдинах, как на белых простынях помрем, и хоть одну живую душу спасем!

– Давай! – глядя в глаза Дембеля, просто ответил Профессор.

– Вы что, охерели? – всполошился Опарыш.

– Вали отсюда, гнида! – не оборачиваясь, произнес Дембель. – Он запустил руку за пазуху и достал пистолет Макарова. – Ну, считаю до трех, – Дембель щелкнул предохранителем, – раз...

Бросив недоеденную рыбу, пятясь и не отрывая взгляда от Дембеля, Опарыш исчез в темноте.

– Не годится мужику бабское имя носить! Какой из него Адель? Правда, Профессор? Адель, пудель, кудель... Надо что-то простое и наше.

– Данилка! – подсказал Профессор.

– Точно, Данила! Как Серега Бодров в «Брате» и тоже младший брат. Только мы его не сдадим!

– Не сдадим, – подтвердил Профессор.

Существование двух изгоев неожиданно обрело смысл. Утром Профессор отправился в деревню и насобирал пять буханок черствого ржаного хлеба, пакет подмоченной соли и несколько ржавых банок просроченных консервов. Кроме того, он разведal дорогу до ближайшего в северном направлении крупного поселка Югыдьяг. Вдвоем можно было расколоть жителей Канавы, включая продавщиц продмага, на большее, но Дембелю нельзя было появляться даже в малолюдных местах, да и не на кого было оставить Данилку. Не теряя времени на пустые обсуждения, Дембель и Профессор двинулись в сторону Ына, левого притока Нема, впадающего в Вычегду чуть ниже Югыдьяга. Этот маршрут представлялся более коротким

и легким по сравнению с прогулкой вдоль заболоченной Северной Кельтмы до впадения в ту же Вычегду, да еще на пятьдесят километров ниже по течению. Дембель нес в рюкзаке Данилку, рядом шагал Профессор, перекинув через плечо мешок с добытым сухим пайком. Они двигались как заведенные и через двое суток добрались до Югыдьяга, а потом неделю продирались в верховья Вычегды до истока Чери-Вычегодской. Еда их заботила мало: утром перехватывали куски хлеба с кипятком, вечером запекали заплывшую в самодельный ятерь рыбу, если улова не было, давились старыми консервами. Днем останавливались только из-за Данилки, чтобы он поплавал и половил рыбки.

Как-то перед ночевкой Профессор, как мог, пересказал Дембелю «Тысячу дюжин» Джека Лондона.

На самоубийство Дэвида Расмунсена, притащившего ценой нечеловеческих усилий в голодный Доусон тысячу дюжин протухших по дороге яиц, Дембель отреагировал своеобразно:

– Удавился все-таки куркуль. Обломился на главной проверке.

– Ты не понял, – возразил Профессор, – он повесился потому, что его грандиозный план провалился.

– План? Он же надрывался не для того, чтобы голодных накормить, а чтобы с них бабки срубить. Эти Давиды все в России купили. Нам с тобой, русским, остались тюрьма и сума...

– Я по матери еврей! – усмехаясь, сообщил Профессор.

– Что же в твоей ксиве написано? Еврорус? – спросил Дембель, рассматривая Профессора.

– По паспорту я Иван Андреевич Крылов, русский.

– Ага, и басни пишешь, типа «Ворона и лисица». – Чему-то Дембеля в школе научили.

– Нет, в юности писал стихи, как и все.

– Кто это все? Я стихов не писал.

– Твоя юность еще не закончилась.

– Из тебя еврей, – Дембель запнулся, подыскивая сравнение, и продолжил, глядя на Данилку, важно вышагивающего вокруг костра: – как из пингвина страус.

– А ты, эксперт по национальностям, хоть когда-нибудь Библию открывал? – спросил Профессор.

С этого вечера Профессор, на сон грядущий, пересказывал какую-нибудь книжную историю, из числа тех, что когда-то приводили его в восторг, и часто поражался парадоксальным замечаниям Дембеля, иногда напрочь уничтожающим авторскую идею повести или рассказа.

После четырех суток тяжелого похода вдоль Чери-Ижемской, а затем самой Ижмы, в сорока километрах от Ухты они угнали деревянную весельную лодку. Стоявшая рядом алюминиевая моторная лодка, по их разумению, представляла собой огромное богатство, и Дембель заявил, что брать ее беспредел. Это своеобразное благородство обернулось бедой. Часа через два алюминиевая моторка с четырьмя мужиками, вооруженными охотничьими ружьями, нагнала весельную лодку с Дембелем, Профессором и Данилкой. Дембель передал весла Профессору, пересел на корму и достал Макарова, но это еще больше раззадорило преследователей, и они попытались обогнать деревянную лодку, с тем чтобы заставить ее причалить к берегу.

Деваться было некуда, и Дембель выстрелом из пистолета разнес лодочный мотор. Пока мужики матерились и искали весла, легкая деревянная лодка с гребцом-Профессором стала уходить от погони. Озлобленный владелец моторной лодки прицелился и выстрелил. Расстояние было небольшим, и весь заряд картечи достался Дембелю. Прижимая к груди ладонь левой руки, он сполз на дно лодки.

Профессор хотел бросить весла, чтобы помочь раненому, но Дембель настойчиво шептал:

– Гребь! Гребь! Иначе и тебя подстрелят.

Дембель прикрыл глаза. Положение его было безнадежным. Не нужно было быть медиком, чтобы понять, что правое легкое разодрано в клочья. То справа, то слева из-за спины Профессора выглядывал встревоженный Данилка.

– Иван Андреич, не плачь! – Дембель открыл глаза. – Помнишь, как в рассказе о прокаженном: «Он жил и умирал свободным». Я, Виктор Егоров, тоже прокаженный. Ударил пьяного прапора штык-ножом. Первый раз дневалил, может, что-то и не так сделал, а он мне кулаком по зубам. Я не сдержался и за нож, он за пистолет, только я быстрее оказался. Этого не жалко, жалко парня-часового, которого я ранил, когда убежал. На мне этот грех! По заслугам получаю.

– Виктор, ты же защищался! – прервал его Иван Андреевич.

– Подожди, не перебивай! До темноты не останавливайся. – Виктор примолк, собираясь с силами, ему все труднее было говорить. – Макарова возьми, в нем три патрона, и штык-нож сними с пояса. Мой медный крестик на цепочке заberi. Не важно, что ты неверующий. Будет талисманом. Главное, выведи Данилку к океану. Тогда все это не зря...

Виктор Егоров затих. В сумерках Иван Андреевич причалил к берегу и вытащил из лодки тело убитого. Время было дорого, и он зарыл Витьку под пушистой елочкой в неглубокой яме, вырытой штык-ножом. Потом, как мог, оттер лодку от крови и набросал на дно хвойных лап. В крайнем случае можно было сказать, что остались следы звериной крови.

Пора было плыть дальше, но Иван Андреевич никак не мог утащить от свежего холмика Данилку. Пингвин ходил вокруг и удивленно хлопал ластами, словно спрашивая, почему они оставляют здесь среднего брата.

– Пойдем, Данилка! – уговаривал Иван Андреевич, поглаживая его по голове. – Витя уже добрался до своего океана.

Их дальнейшее плавание по Ижме и Печоре со временем обросло легендами. Часто люди на лодках и катерах подплывали поглазеть на пингвина. Большая часть речников и пассажиров, столкнувшись с застывшим взглядом худого изможденного человека в очках с треснувшими стеклами, предлагала помощь. Иван Андреевич односложно произносил: «Хлеб».

На другие вопросы он не отвечал. Так решилась проблема кормежки для Ивана Андреевича и Данилки. Однако иногда им попадались ухари, которые, приблизившись, озорно орал: «Мужик, продай пингвина». Иван Андреевич молча доставал Макарова, и охота шутить пропала.

...

Они вышли к океану в разгар полярного лета. Иван Андреевич нес рюкзак с Данилкой, ступая разбитыми опорками по сверкающему льду. Ватник согревал плохо, но Иван Андреевич был возбужден и холода не чувствовал. До воды оставалось каких-нибудь триста метров, и в это время появилась белая медведица с двумя медвежатами. Она явно отрезала дорогу. Иван Андреевич полез было за пистолетом, но остановился: «Если ее застрелю, то эти два дурачка с голодадохнут». Он попытался обойти медведицу и взял правее, чтобы выйти к воде за ее спиной, но медведица тут же повернула назад, а следом за ней медвежата. Малоприятная встреча была неизбежна. Иван Андреевич быстро снял рюкзак и вытащил из него Данилку, который радостно замахал крыльями-ластами, чувствуя совсем близко холодный и соленый океан. Иван Андреевич подтолкнул пингвина, чтобы он уходил в противоположную сторону и добрался до воды независимо от результата встречи с медведями, но Данилка не собирался оставлять старшего брата и раскачиваясь топал вслед за ним. Медведица быстро приближалась. Иван Андреевич оглянулся вокруг в поисках выхода и увидел полынью, которую надышало морское зверье. Он снял с себя медный нательный крестик и, перекрутив цепочку, повесил на шею Данилки, после чего столкнул пингвина в полынью. Возмущенный таким обращением Данилка выскочил из воды на лед, как солдатик. Церемониться было некогда. Иван Андреевич

засунул пистолет за пояс и сорвал с себя ватник. Быстро окунул Данилку вниз головой в полынью и заткнул ее ватником.

Теперь надо было уйти подальше от этого места, и Иван Андреевич пошел навстречу медведице, вытаскивая на ходу пистолет.

– В конце концов я им не завтрак, не обед и не ужин, – сказал вслух Иван Андреевич. Он подскочил к медведице, поднявшейся на задние лапы и приготовившейся к нападению, и три раза выстрелил вверх из-под ее морды с таким расчетом, чтобы пороховые газы обожгли черный чувствительный нос. Медведица взвыла и бросилась наутек, за ней побежали медвежата.

– Бегите ловить тюленей, – улюлюкал им вслед Иван Андреевич. Он был самым необычным животным среди этих белых льдин. Взъерошенный худой человек в рваном свитере и разбитых очках.

Иван Андреевич вернулся к полынье и вытащил мокрый ватник. Данилки не было. Он поднял рюкзак и пошел к океану, вглядываясь в его беспокойную поверхность. Наконец он увидел то, что искал. Среди волн Северного Ледовитого океана мелькнула голова пингвина Адели. Иван Андреевич подошел к воде и сел на кусок льдины, подстелив рюкзак. Больше никуда не надо идти. Снятые очки лежали на льдине, и лучи яркого полярного солнца, преломившись в треснувших стеклах, собирались в разноцветные подвижные пятна. Пусть Данилка вволю поплавает, а он будет смотреть на океан. Долго-долго. До прихода Виктора.

Чайка над чашкой чая

Солнечный свет падал на хрустальную вазу с тюльпанами и рассыпался, отражаясь и преломляясь, цветными пятнами по стенкам кухни. Пятна распределялись неравномерно, и Алешка стал поворачивать вазу, добиваясь наибольшего светового эффекта.

– Не трогай вазу. Уронишь и разобьешь! – сказала мама.

Алешка пропустил замечание мимо ушей, продолжая медленно вращать хрусталь.

– Оставь вазу, придурок, – прикрикнул папа.

«Сам ты придурок», – подумал сын и убрал руки от вазы.

Мама налила в Алешкину чашку заварки, потом кипятка и, зачерпнув горсть сахара десертной ложкой, медленно сыпала его в чай, успевая размешивать крупинки маленькой серебряной ложечкой. Самому Алешке такое важное дело, как размешивание, не доверяли.

Серебряная ложечка время от времени поблескивала сквозь коричневую жидкость.

«Это же маленькая рыбка, – осенило Алешку, – а сыпаящиеся сахаринки – это крыло чайки. Чайка кружит над чашкой и хочет схватить рыбку».

Он бросился из-за стола. Надо это нарисовать.

– Вернись за стол! – заорал вслед ему папа, но Алешка даже ничего не подумал в ответ, боясь забыть увиденную картинку.

– Ну, копия – твой брат-раздолбай. Сейчас нарисует зеленого слона на шести ногах и с хоботом на заднице или красного крокодила с двумя хвостами и с пастью поперек. Наградил же Бог уродом. Зачем я плачу за его учебу в гимназии, он же арифметические действия с трудом одолел. Ему прямая дорога в дурдом.

– Ты, живот с ушами, не трогай моего брата и моего сына. Тебе руки нужны только для того, чтобы кредитки пересчитывать.

– Ага, а братану твоему, чтобы натурщиц тискать.

– Возьми еще два бутерброда, только пасть свою захлопни!

Мама прикрыла кухонную дверь, чтобы до Алешки не доносились слова нескончаемой перебранки между родителями.

Папу раздражал рассеянный, спотыкающийся на ровном месте и все теряющий сын. Он хотел, чтобы сын вырос хозяином и умел зарабатывать деньги. Папа сердился и ругался. Мама не понимала Алешку, как не понимала своего странного и любимого старшего брата Никиту, но никогда не ругала. Алешка и Никита были другими. Не от мира сего. За что же их ругать?

Алешка, зажатый и неуклюжий в своем прибранном и ухоженном доме, не узнаваемо преобразался в захлавленной мастерской дядьки Никиты. Это был его мир, из которого он не вылезал в выходные, праздники и каникулы.

– Дядька, – кричал Алешка с порога никогда не закрываемой входной двери в мастерскую, служившую Никите одновременно жильем.

– Племяшка, – громко вторил ему, не отрываясь от мольберта, громадный бородатый Никита, одетый в длинную, измазанную краской рубаху и заляпанные холщовые штаны, а драгоценный племянник вместо дальнейших разговоров бросался к полотнам, которые появились в его отсутствие.

Вот и сегодня Алешка направился к двум новым картинам Никиты. Возле одной из них, скрестив ноги по-турецки и раскачиваясь из стороны в сторону, сидел Король Лир. Свое прозвище он получил после того, как его, старого седого пьяницу, родственники выгнали на улицу. Он был поэтом, и прозвище подходило ему вдвойне. Светлую часть дня Король обычно проводил возле пивных ларьков, читая стихи и вступая в философские беседы с незнакомыми людьми, а ночевал у Никиты, который не позволял ему опускаться до состояния вонючего бомжа, заставляя мыться и стирать свои вещи.

И сейчас, завернутый в желтое покрывало, потому что постиранные вещи сохли, Король Лир сидел возле новой картины Никиты с Библией на коленях.

На картине был изображен раздетый по пояс сероглазый русоволосый юноша, прикрученный веревкой к березе. Голова его была повернута в сторону еловой лапы, запорошенной снегом. Юноша замерз, но лицо его было искажено ненавистью, а губы раскрыты так, как будто он говорил. Но кому и что?

– Никитушка! Здесь чего-то не хватает, – еще немного покачавшись, сказал Король Лир.

– Громадного черного ворона на еловой ветке, – как будто что-то поясняя самому себе, вслух произнес Алешка.

Никита оторвался от мольберта, присмотрелся к картине и хмыкнул.

– Точно! Во'рона!

Он взял кисти и краски и, не останавливаясь ни на секунду, дописал черного ворона, сидящего на заснеженной еловой лапе. Замерзающий юноша разговаривал с вороном.

Король Лир вскочил на ноги и заходил по студии, возбужденно декламируя:

Не святой, босоногий на морозе,
С губами синими на белой бересте,
Мой Бог замерз привязанный к березе,
А не копьём заколот на кресте.

Громадный ворон смерть стерег,
Но жизнь от ненависти грелась,
«Настал твой праздник!» – крикнул Бог.
«Что, ворон, крови захотелось?
Напившись, вырви сердце мне
И отнеси отцу и братьям.
Пусть сердце выжгут на огне,
А пепел соберут в проклятье.

Когда в расплавленный металл,
Проклятья сыплются крупинки,
Я буду знать, мой час настал,
С врагом сразиться в поединке.

В полете острого копья,
В стреле, сорвавшейся с небес,
В мече разящем – буду я.
Пусть знает враг, что Бог воскрес».

– Алешка, – попросил дядька, – запиши на листе бумаги и прикрепи кнопкой к стене, а то этот дьявол забудет.

Кроме картин, в мастерской Никиты в самых неожиданных местах висели листки бумаги разного качества и формата, на них рукой Алешки были записаны стихи Короля Лира. Но не все. Попадались стихи, написанные губной помадой или иными косметическими средствами, прямо на стене. Это постарались Муха-Цокотуха и Пчелка Кларидская, с которыми Никита познакомился на своей выставке. Две девушки, представляющие женский журнал «90-60-90», забрели на нее в поисках материала для раздела «Культурка»: большая и шумная Муха писала тексты, а худенькая и молчаливая Пчелка делала к ним фотографии. Муха пристала к Никите с расспросами, но не вытащила из него ни слова, только разрешение на посеще-

ние мастерской, которым воспользовалась при первом же удобном случае. Она пришла вместе со своей верной спутницей Пчелкой и, как сказал Король Лир, «с тех пор летает мотыльком над нашим другом-огоньком».

Многие стихи Короля Лира как бы озвучивали картины Никиты, словно Король писал тексты для картин, как иные поэты пишут стихи для песен. Стихи были тревожные и горькие, потому что Никиту в последнее время занимала тема сравнения физических и душевных страданий.

Алешка остановился возле второй картины. На переднем плане был изображен человек на эшафоте, слегка приподнявший голову от плахи. Лица его не было видно, только затылок. Коленопреклоненное тело заслонил палач в красном, обращенный к зрителю спиной и опирающийся на сверкающий топор. Оба они – жертва и палач – словно забыли о предстоящей казни и смотрели на сложенный напротив эшафота высокий костер со столбом в центре. Вокруг костра стояли монахи в черном, а за ними безликая толпа. Сквозь расступившуюся толпу к костру шла растрепанная босоногая девушка в белой рубахе. Она шла на костер, но ее лицо было повернуто в сторону эшафота с плахой. Алешка понял, что этих двоих – мужчину и девушку – казнят за одно и то же, и мучители придумали, как углубить их страдания.

К уголку картины был прикреплен листок, на котором легким почерком Пчелки Кларидской были записаны сочиненные Лиром строки:

Мою ведьму-любовь повели на костер,
Чтобы сердце мое разорвалось на плахе.
Мой палач приподнял угрызений топор,
И толпятся черные мысли мои – монахи.

Поднимается крик и доносится плач.
Жгут живую любовь языками огня.
Ты отвлекся от дела, за работу, палач!
Опрокинь свой блестящий топор на меня.

Никита всегда говорил, что он темный художник, а Алешка – светлый художник. Светлый художник еще раз посмотрел на мрачную картину и отошел к своему мольберту. В отличие от дядьки он поставил его не в сумеречный угол, а возле окна.

Алешка работал над «лягушачьей» темой. На самом первом его полотне была лягушка в очках, сидящая внутри собачьей конуры у входа. Она читала письмо, на это указывал вскрытый конверт. Возле конуры, подперев голову передними лапами, лежала собака в ошейнике и на цепи. Из глаза собаки выкатывалась слезинка. Когда Алешка заканчивал эту картину, деликатная Пчелка не утерпела и шепотом спросила у Короля Лира, наблюдающего за его работой:

– От кого письмо?

– От сына. Это «Письмо матери», и стихи к этой картине уже давно написаны Сережей Есениным.

– А где сын?

– Спроси у художника, он не рассердится.

Пчелка наклонилась к уху Алешки и прошептала:

– А где ее сын?

– Сын служит на границе, – ответил Алешка.

Всегда таскавшая с собой фотоаппарат Пчелка осмелела и спросила:

– А можно мне это сфотографировать?

– Не надо, – сказал Алешка, – лягушка испугается вспышки и ускачет, кто тогда собаке дочитает письмо.

– Извини, я не подумала, – призналась Пчелка.

Алешка повернулся, внимательно посмотрел на нее и произнес:

– Жаль, что у меня нет такой сестры.

– А ты считай, что я твоя сестра.

– Хорошо! Ты моя сестра, но не понарошку, а на самом деле.

С тех пор прилипчивая Муха вилась вокруг Никиты, а Пчелка тихо сидела возле Алешки. Эпизодически приходил Лир и, вышагивая между мольбертами, читал вслух новые стихи, если, конечно, он не был сильно пьян. Пьяный Лир молча заваливался спать посреди мастерской, свернувшись калачиком. Во сне он часто чему-то улыбался.

Картину, которую сейчас писал Алешка, Король называл «Мушиная лавка». На прилавках небольшого магазинчика лежали дохлые мухи. Мухи были разных сортов: золотистые, полосатые, большие, маленькие. Возле них были прикреплены ценники. Некоторые мухи были связаны в гирлянды, свешивающиеся с потолка, – видимо, они были копченые. Стопками стояли консервные банки с мухами. В прозрачной стеклянной банке под крышечкой сидела живая муха. Судя по ценнику, она стоила довольно дорого. Небольшое место было отведено вяленым комарам, но особым спросом у покупателей они не пользовались. Мух покупали лягушки, преимущественно дамы, так как они были в женских нарядах, правда, был среди них один лягух в джинсах. Многие лягушки держали за лапки головастиков. Некоторые головастики были коротко стрижены, а у некоторых были косички. Лягушки стояли в очереди, и две из них ссорились, наверное, выясняли, кто за кем стоял. Продавала мух большая откормленная лягушка в белом халате и шапочке. Художник запечатлел ее в тот момент, когда она взвешивала на весах средних размеров муху, лежащую сверху лапами. Лягушка-покупательница держала в руке денежную купюру, на которой была изображена в профиль лягушка в короне.

Алешке оставалось дописать мелкие детали, когда дверь мастерской распахнулась, и ввалились Муха с Пчелкой. Они тащили две здоровенные хозяйственные сумки.

– Эй, художники и поэты! У меня сегодня день рождения, и мы будем пировать! – закричала Муха-Цокотуха.

– Ура! – завопили художники и поэты.

Муха и Король Лир перетаскивали деревянный стол, стоявший у плиты, и поставили его между мольбертами. Потом они занялись приготовлением пира, а бесполезная в этом деле Пчелка Кларидская подошла к Алешке. Она рассматривала «Мушиную лавку» и смеялась. Алешка повернулся к ней, чтобы поприветствовать, и замер: по случаю жаркого майского дня на Пчелке были белые шорты и белая майка, надетая на голое тело.

– Что ты так на меня смотришь? – спросила Пчелка.

– Ты можешь майку снять?

– Конечно.

Пчелка стащила через голову майку. Алешка взялся за кисть, но спохватился.

– Надо белые шорты прикрыть.

– Я их лучше сниму.

Она сняла шорты и осталась в узких белых трусиках. Алешка начал с того, что привлекло его внимание, и превратил Пчелкину грудь в два лягушачьих глаза с коричневыми зрачками. Пчелкин живот превратился в живот лягушки, со сложенными на нем передними лапками. У лягушки был широко открыт рот, а голова слегка запрокинута. Она ловила большую дождевую каплю, образовавшуюся в ямочке Пчелкиной шеи.

– Никита, твой племянник уже женщин раздевает, – насмешливо крикнула Муха-Цокотуха, – и вообще, день рождения у меня, а разрисовывают Пчелку. Алешка, я тоже хочу!

– Ты мне не сестра. Проси Никиту.

– Никита, ну оторвись ради меня на десять минут, – закапризничала Муха.

– Ладно. Давай, – согласился немногословный Никита.

Пока Алешка превращал спину Пчелки в спину лягушки, Никита изобразил на роскошном Мухином бюсте золотистую муху с большими глазами, которая, обхватив всеми своими лапами авторучку, что-то писала в блокноте.

Алешка постарался на славу, Пчелка крутилась, как юла, возле небольшого зеркала, которым Никита пользовался при стрижке бороды. Стоило Пчелке вздохнуть или повернуться, как лягушка начинала шевелиться.

– Сфотографируй меня, пожалуйста, – попросила Пчелка Алешку.

Фотоаппарат всегда был с ней. Потом она сама фотографировала Муху, долго выбирая освещение и место для съемки.

Наконец сели за праздничный стол. Никита открыл бутылку шампанского и разлил вино в граненые стаканы. Они выпили за здоровье Мухи-Цокотухи, ей исполнилось двадцать три года. На второй бутылке Король Лир захмелел, и из него посыпались рифмы.

По просьбе именинницы Лир стал читать стихи о любви. Читал он замечательно, каждый раз исполняя маленькую пьесу.

Держа в одной руке кусок мела, а в другой – кусок угля, он встал напротив неоштукатуренной стены из красного кирпича.

Белый мел в кулаке.
Мелом на потолке
Я рисую тебя без себя.

Черный уголь в руке,
Я на черной доске
Нарисую себя без тебя.

Рассыпается уголь и крошится мел.
Забелить не сумел, зачернить не посмел.
Не рисуемся ты и я.

Но костяшками пальцев на красной стене,
Задыхаясь, как на бегу,
Я рисую любовь, недоступную мне.
Я рисую то, что могу.

Последние строки Лир произносил, раскинув руки на стене и уткнувшись в нее лбом.

– Еще! Еще! – закричали Муха-Цокотуха и Пчелка Кларидская.

Король Лир задвинул оконные шторы и принес две свечи. Посадил Муху рядом с Пчелкой, дал каждой в руку по свечке, затем встал на колени и зажег свечи.

Я, зажигая две свечи,
Молю за здоровье двух женщин.
Я ни с одной из них не венчан,
И говорю себе – молчи.

Мольба пуста и безнадежна.
Мольба нема и горяча.
Я дважды грешен, я люблю их нежно,

Я с двух сторон зажженная свеча.

Мой Боже, не прошу «прости».

Не за себя, за них молю.

Будь милосердным! Защити

Двух женщин, тех, что я люблю.

Лир свел зажженные свечи и наклонил их в руках Мухи и Пчелки так, чтобы расплавленный воск капал на его руки, сложенные в молитве. Девушки всплакнули. Притихший Король поднялся с колен и сел за стол. Немного помолчали, Никита поднял стакан с вином, внимательно посмотрел на всех сидящих за столом и сказал:

– Стихи не пахнут перегаром. За нас, блаженных и юродивых!

Выпили еще вина, и через некоторое время стало шумно и весело, Муха запела песни, а Алешка вернулся к мольберту. Он натянул на раму свежий холст и набросал черновой вариант новой картины:

В граненом стакане с игристым желтым вином, оставленном на подоконнике, плавает кусок льда, на котором стоят Никита, уткнувшийся в картину, и Король Лир, читающий стихи. Над ними вьются Муха-Цокотуха и Пчелка Кларидская с крылышками на спине. За окном день, но солнечный свет заслонили многоэтажные темные дома, а единственный лучик света, падающий на стакан, растапливает льдинку. В окно бьется ласточка, она видит надвигающуюся опасность, но не в силах помочь, потому что окно закрыто, и вся надежда на маленького зеленого лягушонка, который, упершись в стакан передними лапами, пытается его опрокинуть.

СОВЫ НЕЖНЫЕ

*Я на чердаке лежу у себя на дому.
Мне скучно до зарезу, Бог знает, почему.
Вдруг слышу за собой совы нежные —
У-юй, у меня на душе стало веселее
А-лай-лай-лай, стало веселее.*

Жюли Грюн «Совы нежные»

В джунглях ООО «Киплинг» водился только один человеческий детеныш – системный программист Миша Головин по прозвищу Маугли. Все остальные обитатели ООО, похожие на людей, в действительности были антропоморфными животными: начиная от генерального директора – Медведя Балу и заканчивая кучей менеджеров-бандерлогов, немеющих от одного вида Змея Ка – директора по маркетингу. Многочисленному зверью не удалось сожрать Маугли: Мать-волчица, непосредственная начальница Маугли, сама лаялась с Шерханом – начальником охраны и его шакалами, когда Маугли забывал включить сигнализацию при уходе или застревал за компьютером на всю ночь, а Багира, финансовый директор компании, просто ему благоволила: ей нравились умные детеныши.

В чужую историю он попал случайно. Во время обеденного перерыва, в кафе, куда стекались клерки из разных компаний, не на шутку поцапались секретарша Софи и стажерка Черная Мамба: обе из команды Недобитого Билла – корпоративного психолога, любителя организовывать «team building», жирного поросенка, околавившегося около года в Штатах.

НедоБилл прибыл вовремя: еще чуть-чуть – и Софи с Мамбой, к большому удовольствию обитателей джунглей, испортили бы друг другу макияж.

– Так, так! – закричал НедоБилл. – Надо разрядить агрессию в игре. Вы – наездницы: находите себе скакунов и выплескиваете свою ненависть в схватке на «лошадках».

Софи, не раздумывая, подняла юбку и забралась на загрибок НедоБилла, которому давно мерещилось, как он сам залезет на Софи. Но – как бы чего не вышло, а тут просто корпоративная игра. Просто игра, во время которой промежность Софи натирает его потную шею. Никто не запрещает втягивать носом запахи.

Мамба, также в корпоративной юбке, осмотрелась и схватила за руку Маугли. Рядом не оказалось ни Матери-волчицы, ни Багиры. Миша присел и подставил девушке плечи.

Джунгли выли от восторга. Худой и жилистый Маугли, под всеобщий смех, ловко обходился жирного и неповоротливого Недобилла. Наездница Мамба, пользуясь маневренностью своего скакуна, последовательно распахнула на Софи блузку, обнажив ее тело до белья, задрала на ней юбку по самые плечи и растрепала волосы. Впрочем, чувствуя свою безнаказанность, она успокоилась.

– Брейк! – крикнула появившаяся Багира. – Немедленно слезай с Маугли!

Она дернула Черную Мамбу за ногу. Мамбе понравилось сидеть на плечах Маугли, но с Багирой спорить было опасно.

– Не обязательно подставлять шею каждой сучке, – тихо сказала Багира. – Эта чертова Мамба, похоже, несколько раз кончила, пока на тебе скакала. Что ты скажешь своей девушке? От твоей рубашки, извини, разит, как от использованной...

– Ничего не скажу! – перебил Маугли. – Говорить некому: «своя девушка» три дня назад от меня ушла.

– Бедный мальчик! – сказала Багира и пригладила растрепанную шевелюру Маугли. – Так иди в туалет, выбрось эту рубашку в мусорное ведро и вымой шею. Я отправлю нашу курьершу, чтобы она купила тебе свежую сорочку.

Работа не шла. Маугли тупо пялился в монитор. Мерещились женские ноги. В 17.00 пришел e-mail от Черной Мамбы:

«Надо бы отметить победу! Ты как?»

Маугли не ответил, но в 19.00 объявилась сама Мамба.

– Так, выключаем компьютер и идем со мной в итальянский ресторанчик. Не бойсь, Маугли! Женщина платит!

Красное сухое вино не забирало. Разгоряченная физиономия Мамбы с узким лобиком, выщипанными бровями, громадными ресницами вокруг свинячьих глазок, прыщавым носиком и пухлыми сочными губищами в сочетании с ее банальной похабелю – кто, с кем, как и когда – только усугубляли одиночество. Маугли заказал абсент «Хента».

Два миллиграмма галлюциногена туйона в рюмке горькой семидесятиградусной настойки этанола туго знали свое дело. Шумная ресторанная повседневность распалась на два слоя. В верхнем легком пространстве оказались живые картинки, тяжелое нижнее пространство заполнили звуки. Верх и низ разделил холодный кипящий слой, словно на громадный лист прозрачного оргстекла налили жидкий азот.

Треп Черной Мамбы стелился под ногами, поднимаясь черными кольцами все выше и выше, словно дым пожарища. Кто-то должен был вытащить Маугли из этого удушающего чада.

– Сава!»! – прохрипел знакомый голос.

На высокой спинке стула над плечом Мамбы, сидевшей напротив, появилась сова в пушистом рыжем с темной крапинкой оперении, прикрывающем лапы до когтей. Большой, во всю голову, лицевой диск совы был обращен к Маугли.

– Привет, Сова! – крикнул Маугли. – Тебя послала Зеленая Фея, чтобы забрать меня отсюда?

Сова ничего не ответила. Она взмахнула широким крыльями и бесшумно полетела сквозь кипящий холодный слой, подобно самолету, пронизывающему облака. Надо было только не отставать...

– Ну, ты выступил вчера! Вроде и не пьяный был. Запрыгнул на стол, закричал так страшно, как сова, «хау... хау... хау», плавно замахал руками, а потом прыгнул. Два здоровенных охранника еле успели тебя поймать. Ничего, все обошлось – морду ты никому не бил. Я объяснила, что это ты от счастья охренел.

Маугли открыл глаза: на соседней подушке красовалась рожа Черной Мамбы. Он отвернул голову. Незнакомый чужой потолок. Чужая подушка, чужое одеяло, чужая женщина...

– Но в постели ты супер! – не унималась Мамба. – Я сама улетела и орала, как кошка. Слушай, давай продолжим! Сегодня же выходной.

– Где мои трусы? – спросил Маугли.

– Сняла, чтобы не мешали, – замурлыкала Мамба и попыталась прижаться.

– Мне пора, – сказал Маугли и присел на край чужой кровати.

– Вначале попробуй забрать свое белье! – Мамба игриво раскачивала в руке белые мужские трусы.

– Оставь себе, чтобы было из-за чего орать по ночам.

– Хам!

– Да! – подтвердил Маугли. – Рядом с тобой трудно быть кем-то иным.

– Трамвайный хам!

– Я пользуюсь метро, – сказал Маугли.

– В метро ездят одни хамы!

– Ты ошиблась. В метро *ехают*, это на машинах *ездют*.

– Пошел ты на!... – заорала Мамба и запустила в Маугли его же трусами. – Я в Штатах училась... – и дальше она запустила длинную фразу, характеризующую Маугли с помощью вариаций из пяти нецензурных слов.

– Вот это по-нашему, – одобрил тираду Маугли.

Он надел пойманные трусы, чуть примятые сорочку, брюки, пиджак и засунул в карман пиджака галстук. Нацепил на ноги туфли.

– Прощай, не-на-глядная! Не провожай меня до дверей квартиры! Не выбегай голая из подъезда без ключа, мобильного и набора косметики! Спрашивай в аптеках города бромистый калий!

Мамба бросила ему вслед что-то тяжелое, а ее гневная трехэтажная тирада не закончилась даже к тому моменту, когда Маугли сел в вагон метро.

Ночь только-только перешла в утро, и собаки вместе с хозяевами еще не заполнили маленький сквер, через который пролегала его дорога к дому. Внимание Маугли привлек маленький рыжий комочек, шевелившийся возле подножия осины.

– Совенок! Это как же тебя вороны не заклевали? А, ты умник, сидел тихо-тихо! Умный Тихон.

Так у Маугли появился совенок Тиша. По утрам, прихватывая клювом торчащие из-под одеяла пальцы ног, он будил Маугли. По ночам, стоило Маугли заснуть, громко вопил. Маугли хватал с журнального столика припасенный водяной пистолет и поливал из него горлопана. Минут на пятнадцать, а если сильно везло, то и на полчаса совенок успокаивался. Во все остальное время, т. е. если Маугли не спал, они были неразлучными друзьями. Когда далеко за полночь Маугли смотрел на монитор своего ноутбука, Тиша неизменно сидел на его плече и тоже пялился на бегущие буквы и цифры. Иногда мурлыкал какую-то совиную песенку. Кто его знает, что он там видел!

Самыми волшебными были мгновения, разделяющие бодрствование и сон. Маугли лежал в темноте с открытыми глазами, а над ним, отгоняя дурные мысли и навевая чистый сон, бесшумно кружила сова.

Тихон подрос, и ему стало тесно в маленькой однокомнатной квартире Маугли. Как-то сентябрьским вечером Маугли вынес Тишу в сквер, в котором нашел его маленьким совенком.

– Ну что, брат, будем прощаться! – сказал Маугли. – Не забывай меня!

Он подбросил сову высоко вверх. Тихон распахнул крылья и повис в воздухе.

– Хау... хау... хау, – кричал Тихон, поднимаясь все выше и увеличивая круги над головой Маугли, пока не превратился в невидимую точку.

На следующее утро хмурый Маугли, входя в офис, споткнулся о выдвинутое кресло. Обычно это кресло было задвинуто. Маугли поднял глаза от пола. В кресле, недоуменно глядя на Маугли, сидела рыжая лохматая девушка в больших розовых очках без оправы, закрывавших лицо практически до губ.

– Сова! – закричал Маугли так, что все окружающие вздрогнули и бросили свои компьютеры.

– Сава», – ответила девушка.

– Сова, ты прилетела, сова! – Маугли сел на клавиатуру, по которой только что бегали пальцы девушки, и сжал ее лицо своими ладонями.

– Я еще плохо говорю по-русски, – сказала девушка. – Я сел на ваша место?

– Ты о чем, сова? Какое место? – Маугли убрал ладони от лица девушки и прижал ее ладони к своему лицу!

– Я ничего не понимаю! – озадаченно произнесла девушка.

– Мадмуазель, поймете, когда поживете и поработаете в нашем зверинце, – сказала вовремя появившаяся Багира. – Обращаюсь ко всем любопытным! Что вы уставились? Про-

должайте работать. Обычное дело: Маугли нашел Сову. Остальным птичкам рекомендую закатать губки-клювики. Сова – птица хищная.

Шепот бабочки

Оставалось несколько часов до вылета из Нанди в Сеул и три банкноты на общую сумму в девять фиджийских долларов. Вещи были уже упакованы, так что можно было пробежаться и купить какой-нибудь сувенир на память о поездке. – О себе любимом он как-то позабыл! —

Никита вышел из отеля. До сувенирного магазина Jack's Handicrafts было довольно далеко, да и покупать кич не хотелось. Этого добра хватает в Москве. Никита огляделся по сторонам. Кругом лавки индусов, заваленные дешевыми майками и грубыми поделками из дерева или ракушек. Туристы в такие не заходят. Потом не отвяжешься от назойливых торговцев с масляными глазками. В некотором отдалении он заприметил маленькую ненавязчивую лавчонку. Обычно в такие заведения заглядывают местные – потрепаться и запастись необходимой житейской мелочевкой, а если хозяин коренной фиджиец, то и выпить кавы – опьяняющего настоя из корня дикого перца.

Отодвинув висящую в дверном проеме тряпку, Никита зашел внутрь лавки. Вроде ничего занятного. Какие-то травы, коренья, настойки и вытяжки, словом, туземные лекарства и благоволия. Да и хозяин не сильно обрадовался посетителю. Мельком осмотрев полки, Никита рассеяно пошарил глазами по стенам бунгало и зацепился за бабочку. Огромные черные крылья бабочки отливали зеленью. Она бы здорово смотрелась на фоне светло-зеленых обоев московской квартиры! Никита жестами объяснил, что хочет купить бабочку, и вытащил оставшиеся банкноты. Хозяин усмехнулся, но как-то невесело, и хлопнул в ладони. Бабочка вспорхнула и принялась кружиться вокруг головы фиджийца. Он сделал следующий хлопок, опустив ладони вниз, и летунья села ему на плечо. Человек изменял положение ладоней при хлопках, а бабочка совершала пируэты: то, складывая крылья, планировала, как сорванный листок, то падала острой бритвой в затылочном прыжке, то, как заправский летчик, выписывала «мертвую петлю». Наконец, фиджиец хлопнул ладонями крест на крест, и бабочка прилипла к стене.

Это было чудо! Но чудо нельзя купить! Уставившись на бабочку, Никита принялся записывать назад никчемные банкноты. Видимо, он сделал неловкое движение: из отделения портмоне выскользнула фотография и упала на прилавок.

– Твоя девушка? – внезапно спросил на добротном английском фиджиец.

– Нет! Не моя жена, – ответил на ломанном английском Никита.

Хозяин бабочки внимательно посмотрел на Никиту.

– Постой! Не уходи!

Фиджиец поднял на уровень подбородка кисть левой руки, обращенную ладонью вниз, и хлопнул по ней сверху ладонью правой руки. Бабочка оторвалась от стены и села на правую кисть, повернувшись головой к лицу человека. Человек принялся что-то ей нашептывать, и ветерок его дыхания сгибал усики и шевелил крылья бабочки, раскрывая их больше или меньше. Казалось, что бабочка кивает, с чем-то соглашаясь

Разговор с бабочкой закончился. Фиджиец левой рукой достал плоскую деревянную шкатулку, откинул ее крышку и хлопнул снизу левой ладонью по перевернутой правой ладони. Бабочка вспорхнула и аккуратно приземлилась в шкатулке. Хозяин бабочки закрыл шкатулку на медный крючок и протянул Никите.

– Возьми! Это подарок!

Никита сжал в руках шкатулку. Искушение было слишком велико!

– Только не делай при Ней так, – сказал бывший хозяин бабочки, выпуская ящичек из своей руки. Он показал, будто собирается хлопнуть ладонью по лбу.

– И что случится? – поинтересовался Никита.

– Тебе лучше этого не знать! – произнес фиджиец.

Времени для дискуссии не оставалось! Надо было торопиться в аэропорт. Выходя из лавки, Никита бросил деньги в глиняный кувшин и, не оборачиваясь, крикнул:

– Это плата за шкатулку.

А стоило бы обернуться и посмотреть! Шурша банкнотами, из кувшина вылезла кобра. Она подползла к человеку и замерла перед ним в боевой стойке, раскрыв пасть. Словно доставая бумаги из канцелярской папки, бывший хозяин бабочки снял с ее ядовитых зубов наколотые купюры, по которым растекался яд, и положил сушиться на прилавок. Когда они подсохнут, ими можно будет расплачиваться за обиды и оскорбления!

Пока боинг выруливал на взлетную полосу, Никита, положив шкатулку на колени, записывал в блокноте, как хлопал фиджиец, чтобы бабочка совершила тот или иной вираж. Вроде все вспомнил! Жаль только, что в спешке не выяснил, что это волшебное чешуекрылое ест. «Да, ладно! – подумал Никита. – Наша секретарша Катенька – бывший энтомолог. Диплом у нее был по каким-то жукам. Разберемся!»

Внезапно в салоне самолета стало темно, как будто на всех иллюминаторах опустили шторы. Раздались удивленные возгласы пассажиров. Никита оторвался от своих записей и поднял голову. На стеклах иллюминаторов, заслонив солнечный свет и плотно прижавшись друг к другу, сидели бабочки. Крылья их были подняты, поэтому они не походили на летающие цветы. Это была масса безобразно копошащихся шестипалых насекомых. Какой-то женщине стало плохо. Одна из стюардесс побежала к пилотам.

Через несколько минут, в динамиках раздался голос командира корабля, который на корейском и английском языках успокоил пассажиров:

– Господа! Нет причин для тревоги! На самолет опустилось облако бабочек! С пульта управления нам сообщают, что они облепили весь Боинг. Это, конечно, очень необычное явление, но бабочки не слоны и не могут нанести корпусу самолета вред. Нашим взлетом будут управлять с земли. Бабочки нежные создания, и те из них, которые не оторвутся от самолета при взлете, замерзнут и отвалятся при наборе высоты.

Командир корабля оказался прав только отчасти. При взлете основная часть бабочек оторвалась от стекол иллюминаторов и корпуса самолета, но оставшиеся раскрыли крылышки и распластались, прижавшись к стеклу и металлу. Самолет оказался закутанным в разноцветную полупрозрачную ткань. Ее создали замерзающие бабочки. Стекла иллюминаторов стали похожи на мозаичные картины. Многие пассажиры лайнера опустили шторы – не хотелось смотреть на солнце и небо сквозь мертвых бабочек. Посадкой Боинга, как и взлетом, управляли с земли, так как сквозь бабочек, примерзших к стеклам кабины пилотов, с трудом можно было разглядеть посадочную полосу.

Телевидение, радио, пресса и интернет не оставили без внимания удивительное поведение громадной массы насекомых. Дилетантские заметки: от ернических – «Бабы рвутся на юг, а бабочки – на север» – до сострадательных – «Киты выбрасываются на сушу, а бабочки – на мороз» – заполнили газеты. Пространные статьи экологов «Мир без цветов и бабочек» или «Замерзающая красота» от чего-то предостерегали, но ничего не объясняли. Объяснить странное явление могли двое – Никита и фиджиец с острова Вити Лейву, а причина явления находилась в плоской деревянной шкатулке, лежавшей на коленях Никиты.

Открывая дверь в квартиру, Никита не услышал знакомого мурлыканья и шлепанья об дверь лохматой тушки. Кот Нельсон сидел в противоположном углу коридора, никак не обнаруживая радости по поводу возвращения кормильца. Он уставился единственным взглядом на Никитину дорожную сумку, и тревожно зашипел. Никита несколько подивился этому обстоятельству, так как никогда не видел, чтобы Нельсон чего-то пугался. Кот и глаз-то потерял в жестокой неравной драке, но не отступил.

Первым делом Никита достал из сумки шкатулку с бабочкой и отнес ее в спальню, чтобы можно было любоваться тропической красавицей, засыпая и просыпаясь. Он открыл шкатулку

и хлопнул в ладони. Бабочку вспорхнула и прилипла к стене на уровне Никитиной головы. Чуть-чуть на нее полюбовавшись, Никита вернулся в прихожую разбирать чемодан и дорожную сумку.

Растаскивая вещи по квартире, он зашел в спальню и увидел Нельсона, лежащего под бабочкой. Никита хотел пошутить, дескать «что, нравится красотка?», но уничижительная поза кота его поразила. Нельсон лежал, вытянувшись и уткнувшись мордой в лапы, словно боялся взглянуть на бабочку.

– Нельсон! – удивился Никита. – Ты что разлегся, как сосиска?

Кот вздрогнул, будто очнулся, и, не поднимая морду и не отрывая пуза от пола, принялся пятиться к выходу из спальни.

– Ладно, – сказал Никита, – пойду что-нибудь пожрать куплю, а то ты от консервов совсем сдурел. А может от одиночества?

Поход за продуктами занял не более часа.

– Нельсон! – крикнул вернувшийся Никита. – Черт одноглазый, я тебе свежей рыбки принес!

Кот никак не отозвался, и не выбежал в прихожую. Он спал возле бабочки, широко и неестественно раскинув лапы, как будто его пригвоздили к полу. Не желая будить Нельсона, Никита взял его на руки и, поглаживая лохматую голову, отнес на кухню. Рука, гладившая Нельсона, наткнулась на уплотнение на кошачьей шее. Никита положил кота на подстилку и, раздвинув пальцами шерсть, обнаружил опухоль, в центре которой зияла маленькая затянувшаяся ранка. Словно Нельсона укусил громадный комар размером с...

«Бабочка! – содрогнулся Никита. – Хорошенькое приобретение! Однако, чтобы подкормиться, ей хлопков не надо».

Никита вернулся в спальню и внимательно рассмотрел распластанное чешуекрылое. Ему показалось, что брюшко стало бурым. Он хлопнул в ладони, и бабочка принялась над ним кружить. Никита перешел в гостиную, приземлил бабочку высоко под потолком и прикрыл дверь. Чтобы было спокойнее.

«Неприятное открытие, – размышлял Никита, нарезаая салат, – красавица и чудовище в одном флаконе. Хотя, если разобраться, милые домашние коты спокойно трескают теплокровных мышей! Кстати, мыши, наверное, подойдут ей для кормежки. Надо бы купить, и лучше белых».

На практике все оказалось проще. Когда Нельсон проснулся, Никита отправил его во двор. Проветриться. Сам сел ужинать. Минут через двадцать кот принялся скрестись. Ругая на чем свет беспокойного домочадца, Никита открыл входную дверь.

За порогом сидел Нельсон с придушенной мышью в зубах. Он прошмыгнул между ног Никиты и остановился у двери в гостиную. Никита понял, впустил Нельсона в гостиную и сказал.

– Ты принес, тебе и уносить!

Нельсон согласно кивнул головой. За процессом кормления бабочки Никита наблюдать не стал. Опасался, что его стошнит, или, что он прибьет это чудо природы тапкой, как заурядную моль.

На ночь Никита опять закрыл бабочку в гостиной, а Нельсона, несмотря на его протесты, на кухне. Почитал перед сном какой-то незамысловатый детективчик, выключил ночник и быстро уснул, набегавшись за день.

Среди ночи он приоткрыл глаза из-за громкого шелеста, всмотрелся в темноту и вздрогнул. На груди, размахивая громадными крыльями, расположилась черная бабочка. Казалось, что ее хоботок тянется к пульсирующей артерии на шее. «Пугай кого-нибудь другого», – подумал Никита, закрыл и резко открыл глаза, чтобы отогнать дурное видение.

Но видение стало осязаемым – бабочка уменьшилась в размерах и превратилась в мерцающую татуировку на теле темнокожей женщины, ласкавшей Никиту. Жгучие ласки женщины вызвали у Никиты неведомый доселе трепет, а глубоко запрятанная чувственность вырвалась из него и закружилась алой бабочкой рядом с мерцающей черной.

«Кто ты? – подумал Никита, всматриваясь в покрытое диковинными узорами лицо с двумя немигающими глазами. – Откуда ты взялась? Впрочем, я догадываюсь! Ведь я привез тебя в шкатулке».

«Нас называли Духами Листьев, – рассказывало тело женщины, – и мы поклонялись Дереву Жизни. Когда кто-то из племени умирал, с Дерева падал желтый лист, а когда рождался ребенок, на Дереве появлялся зеленый. Каждый лист, как и все люди моего племени, носил имя – Радостный лист, Смелый лист, Хитрый лист, Корявый лист...»

Дерево Жизни должен был охранять вооруженный воин, отгоняя от него птиц и насекомых. Однажды сторож засмотрелся на женщину, и на Дерево села бабочка. Вскоре на нем появились гусеницы, но Колдовской лист не велел их трогать. Он сказал, что настало время исчезнуть нашему племени и появиться новому.

Гусеницы изгрызли все листья, и на ветвях Дерева повисли куколки бабочек. Когда бабочки выбрались из куколок и улетели, Дерево Жизни засохло, а мы остались. Но теперь, мы – Духи Бабочек, и я – Дух Черной Печали».

«Жаль, что фиджиец не назвал имя бабочки, – мысленно прервал женщину Никита, – но и ты не сказала главного. Вы – племя каннибалов! И твои губы измазаны моей кровью».

«Бабочка обращается в женщину, когда в ней кровь и плоть мужчины. Ты считаешь, что твоя кровь слишком высокая плата за обладание женщиной?»

Никита проснулся с дурной головой. Тяжело поднявшись с постели и держась за стены, он добрал до ванной. В зеркале отразилось отекавшее лицо с красными глазами.

«Наверное, из-за смены часовых поясов, – подумал Никита. – Однако работа есть работа». Он принялся чистить зубы, но занятие оказалось бессмысленным, потому что десны кровоточили так, что можно было захлебнуться собственной кровью. Пришлось ограничиться полосканием рта. Сбривая щетину на шее, Никита увидел ранку, вернее укус и все вспомнил. Вспомнил ночное видение.

Он положил бритву на стеклянную полку и присел на край ванны. Плевать на бритве. Время дорого. В слюне оборотня тропическая болезнь. Эта тварь добивается, чтобы Никита перестал двигаться, и тогда она, не встречая никакого сопротивления, выкачает из него всю кровь. Что дальше? Дальше она родит вурдалака, похожего на Никиту, а где-то в Океании появится роскошная бабочка. Прекрасная голубоглазая или зеленоглазая девушка получит эту бабочку в подарок, и вместе с ней притащит в свой дом Дух каннибала. Это прямая линия, но есть ответвление. Двоюродный брат Илья – этот чокнутый биолог возьмет на память о Никите бабочку по имени Черная Печаль, а эта женщина-оборотень сможет родить еще одного упыря, и, очень вероятно, что не последнего. Почти цепная реакция.

– Черта с два! – прошептал Никита.

Сам он не сможет вести машину. Никита вызвал такси. Нельзя ехать в такси в трусах. Надо довести задуманное до логического завершения. Отдыхая после каждого движения, Никита натянул футболку и надел брюки. Надевание кроссовок было бы запредельным напряжением, хватит домашних тапок. Теперь самое главное. Никита открыл злополучную шкатулку и хлопком загнал в нее бабочку. Сунул шкатулку под мышку, а деньги на такси в карман, и двинулся на выход. Лучше подождать такси на улице.

У входной двери лежал Нельсон. Никита никогда не видел, чтобы кот плакал. Нельсон перекрыл доступ к входной двери и рыдал, надрывно мяукая. Никита не стал миндальничать, отпихнул кота ногой, открыл дверь и вышел на лестничную клетку. Не было сил закрывать дверь ключами, и он просто ее захлопнул.

Никите пришло в голову, что лифт может застрять, и он не сделает самого главного – не остановит эту чертовщину! Как хорошо жить в старом доме на четвертом этаже! Превозмогая боль в коленях, вцепившись правой рукой в перила, а левой сжимая шкатулку, Никита вышел во двор. На асфальте лежал разбившийся Нельсон, возле него толпились бабки и детвора. Совершенно отвлеченно Никита подумал, что кот выпрыгнул через форточку на кухню.

Такси уже ждало Никиту. Потом шофер рассказывал, что мужик был не в себе, но говорил складно. Хорошо понимая недоумение таксиста, Никита сунул ему в руку все захваченные деньги и сказал:

– Вези в лес! И чтобы рядом была река или озеро!

– В какой лес? – оторопело спросил таксист.

– В ближайший, – ответил Никита, – до дальнего я не доеду.

Они ехали около часа, вначале по асфальтовым, а потом по грунтовым дорогам. Выходя из машины, Никита вспомнил, что забыл зажигалку.

– У тебя есть зажигалка или спички? – закричал Никита.

– Есть, – вздрогнув, сказал шофер и протянул ему зажигалку.

– Я ее забираю. Совсем. Возьми все деньги. На чаевые купишь себе сотню-другую таких зажигалок.

Никита выбрался из машины, и, шатаясь, побрел к маленькому озеру посреди елового леса. Сорвавшись с места, умчалось такси. Никита дошел до воды и рухнул.

Он очнулся ночью. Полная луна отражалась от спокойной водной глади озера. Не выпуская шкатулку из рук, Никита принялся собирать сучья и хворост. Силы стремительно его покидали, но он тщательно и аккуратно складывал громадный костер.

Наконец он закончил свою кропотливую работу. Чиркнул зажигалкой и отошел. Сухие еловые лапы быстро занялись, и скоро на поверхности озера рядом с мертвой луной заплясало живое пламя костра. Никита бережно положил шкатулку в огонь, пламя лизнуло его голые руки, но он не чувствовал боли. Он должен был видеть, как сгорит шкатулка.

– Эх! Медный крючок такой хилый. Надо было перекрутить шкатулку крест на крест медной проволокой! – Никита хлопнул себя ладонью по лбу.

Он так и упал в костер, прижав ладонь ко лбу. Темнокожая женщина, выйдя из еловой темени, бесшумно и легко разбежавшись, метнула копье Никите в спину. Упругое древко с тяжелым кремневым наконечником легко прошло сквозь его тело, разорвав сердце в клочья. Никита даже не успел вскрикнуть.

Покореженная огнем шкатулка распахнулась, и из пламени вылетела черная бабочка. Сделала круг над головой женщины и села на ее обнаженную левую грудь. Черная Печаль так и осталась на женской груди, приколотая, как булавкой тонкой серебряной стрелой, выпущенной из духовой трубки.

– Вот и соединились Дух и Тень! – произнес фиджиец, когда женщина и бабочка исчезли. Он подошел к костру и покачал головой, глядя на неподвижное тело Никиты.

.....

– Как зовут бабочку? – спросил Никита, не решаясь принять подарок.

– Черная Печаль, – ответил фиджиец.

– Не надо печали, в моем Отечестве ее избыток, – сказал Никита, возвращая шкатулку. – Это деньги за шоу бабочки, – добавил он, выкладывая девять фиджийских долларов на прилавок.

Никите повезло, он сидел возле иллюминатора, и, пока боинг летел над океаном, рассматривал нереальные острова Океании. Так удачно сложилась эта поездка!

Вставляя ключ в замочную скважину родной захлавленной квартиры, он услышал радостные вопли Нельсона. Кот сидел в прихожей, а рядом в старом Никитином халате сто-

яла... Мария, русоволосая девушка с фотографии. Никита опустился на пол рядом с Нельсоном.

– Слушай, по твоей просьбе я приходила кормить Нельсона, – как бы оправдываясь, начала Мария, – а потом перебралась к нему совсем.

– Ну, ясное дело, он еще не таких кошечек уводил. Один выбитый глаз чего стоит.

– Да? – произнесла Мария, присаживаясь возле Никиты на корточки, – Но, ты ведь кот не хуже и, наверняка, нашел там какую-нибудь смуглую бабочку. Ну, и как ее звали?

– Бабочку звали Черная Печаль, но у нас с ней не получилось романа. Я чувствовал, что дома меня ждет Светлая Радость! – сказал Никита и поцеловал Марию в губы.

На крыльях стрекозы

Павлик не спал, кусали комары назойливые и злые, как воспитательница из старого детского сада. Острыми ногтями она впивалась в ухо и зудела: «Противный мальчишка». А пальцы как будто в крови из-за красного лака на ногтях. «Комарина», – подумал Павлик, и в очередной раз открыл глаза. Так хотелось, чтобы пришла бабушка и разогнала комаров к чертовой матери.

– Бабушка, – прошептал Павлик.

Дверь открылась, вошла бабушка и сказала:

– Я здесь, мой хороший.

И улыбнулась, а потом разогнала комаров полотенцем, включила ночничок и села возле кровати, открыв книжку. Так стало хорошо, так спокойно. Больше всего на свете Павлик любил бабушку и стрекоз. Некоторые глупые девчонки любят бабочек, а эти бабочки, если сядут на что-нибудь, так отложат яйца, из которых появятся гусеницы и все пожрут. Ни тебе яблочка, ни тебе слива. Другое дело стрекозы, крылышки прямо переливаются на солнце. Летают как вертолеты и полезные – комаров уничтожают. Вечером возле дачного озерка всегда много стрекоз, протянешь ладонь, смотришь – на нее стрекоза села. Подержишь чуть-чуть руку неподвижно, а потом подбрасывай стрекозу, и она будет возвращаться и всегда на знакомую ладонь.

А бабушка очень похожа на стрекозу, такая же худенькая и быстрая. А еще красивая. Как-то Павлик и бабушка шли со станции на дачу: Павлик в джинсах – бабушка в джинсах, Павлик с рюкзаком – бабушка с сумкой через плечо. Вдруг Павлик услышал, как кто-то сзади кричит: «Девушка! Девушка!». Кричит и кричит, совсем обкричался. Что за девушка такая, даже любопытно стало на нее взглянуть. Павлик обернулся, какой-то незнакомый молодой парень идет сзади, шагах в семи, и больше нет никого, никакой девушки. Парень вдруг говорит Павлику:

– Скажи своей сестре, чтобы притормозила. Я за вами от самой станции бегу.

Павлик в нерешительности замедлил шаг, бабушка тоже.

– Что случилось? – спросила бабушка.

Тут незнакомец их нагнал и тронул бабушку за плечо.

– Девушка, – начал он. Бабушка обернулась и насмешливо на него посмотрела. – Ой, не девушка, – от неожиданности выпалил молодой парень.

– Конечно не девушка, – подтвердила бабушка, – раз у меня внук есть.

– Извините, – смутился парень, – я не хотел Вас обидеть.

– Напротив, – засмеялась бабушка, почти похвалили, но в следующий раз смотрите вначале на лицо, а потом на силуэт.

Незнакомца звали Алеша, он учился в университете на филологическом факультете. Всю оставшуюся до дачи дорогу Алеша непрерывно болтал и загадывал Павлику загадки.

– Сидит на дереве, и не стучит.

– Белка, – ответил Павлик.

– Нет, неправильно, это недятел.

– Ловит мышей, и не мяукает.

– Некот, – догадался Павлик, – а теперь я загадаю. Порет чушь и не дурак.

– Алеша, – отгадала бабушка.

Алеша загоготал гусакон, присел на корточки, опрокинулся на спину, свалился с тропинки и стал кататься по траве, не переставая гоготать.

Когда показались дачные участки, Алеша достал из сумки маленькую книжечку и спросил, обращаясь к бабушке:

– Можно я подарю Вам сборник своих стихов?

– Давайте, – сказала бабушка, – только напишите что-нибудь на память.

Алеша достал авторучку, улыбнулся, что-то быстро написал, открыв обложку книги, закрыл и протянул Павлику со словами:

– Прочитайте, когда я скроюсь из виду.

Когда Алеша исчез, Павлик и бабушка прочитали посвящение: «Юной бабушке и ее счастливому внуку от Алеши-недурака».

Во время послеобеденного отдыха бабушка читала подаренные стихи, а Павлик терпеливо ждал. Бабушка честно дочитала книжку до конца и сказала, глядя на внука:

– Рифмуется, но не стихи.

– А что? – спросил Павлик.

– Юность, – ответила бабушка.

Сон не приходил, бабушка поправила ночник, чтоб он не мешал Павлику, и спросила:

– Ну, что? Читаем?

– Читаем! Читаем! – радостно зашептал Павлик.

Бабушка открыла «Рассказы Южных морей» Джека Лондона и все пропало: исчезла кровать, лампа на столе, не стало комаров. Комнату заполнили тропические растения, среди которых, одинокий и обреченный скрывался от преследователей Кулау-прокаженный.

Павлик лежал не шелохнувшись, весь, превратившись в слух, и не заплакал на последних строках рассказа, когда Кулау заполз умирать в заросли дикого имбиря.

– «Свободным он прожил жизнь и свободным умирал, – читала бабушка, – Последняя мысль его была о винтовке, и, обхватив ее беспальными руками, он крепко прижал ее к груди».

Бабушка закрыла книгу, молча поцеловала внука, и, выключив ночник, вышла из комнаты, прикрыв дверь. Она знала, что эту ночь Павлик проведет среди цветов имбиря, обняв руками винтовку...

Когда-то давным-давно мама Павлика, войдя в его комнату среди ночи, стала испуганно звать бабушку.

– Послушайте, что это? У него бред! Он шепчет, что замерзает в палатке, и надо успеть написать письма бабушке и русскому народу.

– Это не бред, – сказала бабушка, которая перед сном читала Павлику новеллу Стефана Цвейга «Борьба за Южный полюс». – Вместе с капитаном Робертом Скоттом он покорил Южный полюс, но на обратном пути из-за снежной бури они не могут добраться до хранилища с керосином и замерзают в палатке. Скотт пишет письма семье и английскому народу, ну и Павлик пишет свои письма.

– Разве нельзя читать на ночь спокойные, добрые сказки? – спросила мама.

– Знаете, милочка, – ответила бабушка, – его любимые сказки «Стойкий оловянный солдатик» и «Русалочка». Он вырастет мужчиной: воином и поэтом, и никому не придется вытирать ему сопли.

Соседки по даче прохладно относятся к бабушке, она не ведет с ними длинных бесед о заготовках на зиму и не обсуждает латиноамериканские телесериалы, зато мужчины-соседи постоянно предлагают свою помощь. Бабушка всегда отказывается, и сама вместе с Павликом чинит крышу и ухаживает за огородом. Именно в огороде случилась история с бешеной собакой.

Павлик и бабушка вскапывали грядки под весеннюю посадку овощей. Начав с дальнего угла, они рассчитывали к обеду доковыряться до домика и пойти пить чай. Вдруг в дачном поселке истошно завопили женщины: «Вот она! Вот она! Закрывайте двери!». Грянул выстрел охотничьего ружья, потом еще один. Бабушка и Павлик выпрямились, опираясь на лопаты: вдоль ограды их дачного участка бежала тощая собака, из пасти которой свисала длинная желтая слюна. Она бежала неровно, как бы шараясь из стороны в сторону. Добежав до калитки, странная собака поднырнула под нее, и быстро оглядевшись, бросилась в сторону неподвижно стоящих, бабушки и Павлика, преградив им дорогу к дому.

– Стань за мной и не выглядывай, – по-военному скомандовала бабушка, – ничего интересного не будет.

Она поправила очки на переносице и занесла лопату над головой, обхватив черенок обеими руками. Верно прикинув скорость приближающейся собаки и скорость, с которой удастся ударить, резко согнувшись, бабушка рубанула ребром лопаты по черепу собаки. Собака, визжа, покатила по земле, и, чтобы прекратить мучения тяжелораненого животного, бабушка вторым ударом перебила ей позвоночник. Павлик все это видел, он не стал прятаться за бабушку. Они молча стояли рядом возле умирающей собаки, пока та не затихла. Сбежались соседи и среди них стрелявший охотник, всегда хвалившийся, что бьет птицу влет. Не обращая внимания на сбежавшихся, бабушка положила остывший труп на мешковину и вдвоем с Павликом отнесла на опушку лесочка. Той же самой лопатой они вырыли глубокую яму, и похоронили в ней собаку. Потом присели на поваленное дерево и помолчали. Об этом случае Павлик и бабушка никогда не говорили, но, когда они заходили в поселковый магазин за покупками, гомон возле прилавка стихал, и дачники почтительно отстранялись, стараясь их не задеть.

Зато часто бабушка и внук вспоминали историю, случившуюся в тире. Строго следя за спортивной формой Павлика, поддержание которой обеспечивали ежедневное обливание холодной водой, утренняя зарядка, вечерняя пробежка, бабушка среди прочих необходимых условий воспитания мужчины, включила в свой список умение плавать и умение стрелять. Ее покойный муж был морским офицером, ее сын – отец Павлика – служил на военном корабле, она сама была отличной пловчихой и в молодости неоднократно побеждала на соревнованиях по пулевой стрельбе. Три раза в неделю бабушка водила Павлика в бассейн и три раза – в тир. В тире бабушку хорошо знали и самой доверяли обучение внука стрельбе.

В день памятного происшествия Павлик стрелял из пневматического пистолета по мишени. Бабушка стояла рядом и поправляла его действия. Внезапно в тире произошло оживление: вошла большая группа людей в военной форме. Среди них выделялся властный седой мужчина с красными лампасами на штанах.

«Наверно, генерал», – подумал Павлик.

– Эй, человек, – повелительно сказал мужчина Виктору Михайловичу, заведующему всем стрелковым хозяйством, бывшему морскому пехотинцу, прихрамывающему на левую ногу из-за тяжелого ранения, полученного в рукопашной схватке. – Дай-ка нам пару обойм боевых. Поразмяться.

Окружение генерала услужливо хохотнуло. Он зарядил свой пистолет, прицелился, выстрелил, и попал в «молоко». Это было видно даже невооруженным глазом: отверстие от пули появилось рядом с черным кругом мишени. Желая не уронить авторитет в глазах подчиненных ему офицеров, он грязно и громко выругался, ссылаясь на не пристрелянный пистолет и плохое освещение в тире.

– Плохому танцору гениталии мешают, а плохому стрелку – трясущиеся руки, – громко, на весь тир, произнесла бабушка, – и никакая матерщина здесь не поможет.

Генерал повернулся, и уставился на нее, выпучив глаза. Бабушка подошла к нему и сказала:

– Можно посмотреть ваше оружие.

Находясь в некотором ошарашенности, генерал протянул ей пистолет. Бабушка подняла руку, и, не опуская ее, подряд всадила оставшиеся шесть пуль в черный круг генеральской мишени.

– Пятьдесят шесть, – подсчитал Виктор Михайлович, глядя в подзорную трубу.

– Так должны стрелять младшие офицеры, – сообщила бабушка.

– Можно попросить у господ офицеров еще один пистолет?

Один из адъютантов генерала, молодой подтянутый капитан со свежим шрамом на щеке и тремя орденами на груди с готовностью предложил бабушке свой пистолет. Она зарядила оба пистолета, и попросила Виктора Михайловича:

– Потрафи по старой дружбе, запусти движущиеся мишени.

Чертиками запрыгали и завертелись черные фигурки. Бабушка стреляла по ним попеременно с обеих рук и ни разу не промазала.

– Так должны стрелять старшие офицеры, – подытожила она, – а теперь я покажу вам, как стреляют безо всякого мата по-македонски.

Еще раз зарядив оба пистолета, бабушка спросила Михалыча:

– Пивной банки не пожалеешь?

– Для Вас я последнюю тельняшку сниму, – ответил Виктор Михайлович.

Он высыпал из пивной банки, в которой хранил винтики, содержимое, набросал в нее немного пустых гильз, и, размахнувшись, бросил банку как гранату. Плавный полет банки превалил выстрелы. Бабушка всаживала в нее пули, стреляя из двух пистолетов одновременно. Некоторое время жестянка дергалась в воздухе как живая, но и, долетев до земли, она не обрела покоя: подскакивала и вертелась, пока в пистолетах не закончились патроны.

Бабушка вернула пистолеты. Генерал буркнул:

– Вам бы в цирке выступать, – и чинно двинулся к выходу в окружении свиты, а капитан задержался и сказал бабушке:

– Эх, если бы мои ребята так стреляли...

– То?

– Было бы больше живых пограничников и меньше живых контрабандистов.

– Вы из Средней Азии?

– Так точно.

– Держитесь, мальчики, – неожиданно мягко прошептала бабушка.

– До последнего патрона, – в тон ей серьезно и тоже шепотом ответил боевой двадцатипятилетний командир российских пограничников.

Через три месяца Павлик и бабушка увидели его портрет в одной из центральных газет. Командуя пограничным нарядом, он преградил дорогу через ущелье каравану с оружием, и, отказавшись его пропустить, сложил голову вместе со своими бойцами. Как было написано в газете «героически погиб, приняв неравный бой с превосходящими силами противника». Капитана, посмертно награжденного еще одним орденом, звали Сергей Зуев.

Бабушка вырезала фото из газеты и захватила с собой в тир, где приклеила в центре многократно прострелянной пивной банке, которую Виктор Михайлович расплющил и повесил на стену как украшение.

– Это твоя икона, Павлик, – сказала она внуку. – Перед тем как стрелять, смотри на нее, чтоб глаз не сморгнул и рука не ослабела.

Павлик уже почти год жил у бабушки. Отец был в плавании, когда маму стал регулярно навещать ее начальник Роберт Олегович. Узнав об этом, бабушка переселила внука к себе. Просто приехала на такси, забрала вещи Павлика, и сказала невестке:

– Решайте сексуальные проблемы без моего внука.

По возвращении отца из плавания мама сообщила ему, что собирается с ним разводиться и что Павлик будет жить в ее новой семье. Отец против развода не возражал, но отдать сына отказался. Вопрос о том, с кем останется Павлик, должен быть решить суд.

Для отца все случившееся явилось горькой и болезненной неожиданностью, и он начал пить. После того как в очередной раз он явился пьяным, бабушка, дав ему протрезветь, предъявила в присутствии Павлика ультиматум.

– Ты, – сказала бабушка, – чтобы не срамить себя, сына и меня, в ближайшее же время выходишь в плавание! Море успокоит твою боль, – добавила она и погладила папу по голове, – а с этим судом я разберусь сама.

Папа ушел в плавание. И, в конце концов, наступил день суда, на котором решалась судьба Павлика. Бабушка отправилась на суд одна, внука с собой не взяла. Она вернулась часа через четыре хмурая и решительная.

– Ну, что? – спросил Павлик.

– Суд решил в пользу твоей матери, – ответила бабушка.

– Ты меня отдашь?

– В том случае, если ты этого хочешь.

– Нет, я хочу быть только с тобой.

– Тогда и говорить не о чем. Я тебя никому не отдам.

Павлик больше ни о чем не спрашивал: бабушка зря слов на ветер не бросала. Через три дня, поздним вечером в дверь бабушкиной квартиры громко и настойчиво постучали:

– Откройте, полиция, – раздалось из-за двери.

– Что вам надо? – спросила бабушка, не открывая двери.

– Мы пришли за Павлом, с нами его мать и судебный исполнитель.

– Уходите! Внука я не отдам.

– Тогда мы взломаем дверь.

– Это, пожалуй, лишнее, – вслух сказала бабушка, – сами мы дверь потом не починим.

Она вернулась от двери в комнату, на стенах которой висели дорогие для нее вещи, и среди них один из подарков мужа – семи зарядный арбалет ручной работы. Бабушка сняла его со стены, зарядила полным комплектом стрел и вернулась в коридор.

– Открой дверь и бегом ко мне, – шепнула она Павлику.

Павлик подошел к двери, открыл замок и, быстро отбежав, стал рядом с бабушкой, которая тут же приподняла арбалет, нацелившись на входную дверь.

Дверь открылась. За ней оказались двое парней в камуфляже, мужчина с папкой под мышкой и мама Павлика.

– Ни шагу через порог. Пока я жива, внука у меня никто не заберет, – громко сказала бабушка.

– Что вы себе позволяете! Я судебный исполнитель! – крикнул мужчина с папкой.

Бабушка ответила щелчком предохранителя на арбалете. Один из парней достал рацию и стал говорить:

– Первый! Первый! Это я – Второй! Что делать? Тут какая-то старая дура... – дальше он доложить не успел. Рация вылетела из его руки, выбитая стрелой арбалета, а сам он схватился за оцарапанную щеку.

– Следующей стрелой я тебе мозги вышибу – пообещала бабушка.

Парень с оцарапанной щекой снял со спины автомат и отдал напарнику, потом он отстегнул от пояса резиновую дубинку и сказал, обращаясь к товарищу:

– Если она всадит в меня стрелу, то лупи по ней не раздумывая.

Павлик все понял. Сейчас этот здоровый парень бросится с резиновой дубинкой на бабушку. Она выстрелит в него из арбалета и не промажет, а в бабушку начнут стрелять из автомата, и даже если она останется жива, ее посадят в тюрьму до самой смерти. Что он может сделать, маленький Павлик? Как он может остановить взрослых вооруженных мужчин? Все смотрят на Павлика, все его любимые герои: умирающий Кулау-прокаженный, замерзающий капитан Скотт... и погибающий в бою «до последнего патрона» Сережа Зуев.

– Стойте, – крикнул Павлик, – не трогайте бабушку.

Он метнулся в комнату, и схватил со стены дедушкин морской кортик. Выдернув кортик из ножен, Павлик встал возле бабушки, обхватив ее левой рукой, а правой рукой приставил лезвие кортика к своему горлу.

– Уходите, гады, – заорал Павлик, – я живым не сдамся.

Люди за дверью оцепенели. Было видно, что Павлика бьет нервная дрожь, и он, не колеблясь, перережет кортиком горло, если кто-нибудь попытается войти.

Первой опомнилась мама:

– Господи, что мы делаем, – заплакала она. – Не надо, ничего не надо. Прошу вас всех уйти. Пусть живет, где хочет.

Бабушка долго отпаивала Павлика травами, опасаясь нервного срыва, и всю ночь просидела возле него: Павлик метался и бредил, но под утро успокоился. Ему приснилось, что он летит на большой зеленой стрекозе над синим-синим морем, и на боку у него сверкает дедов кортик.

Полет шмеля

Черная зебра с белыми полосками получалась плоской, неживой и какой-то блеклой, как будто ее постирали и положили сушиться. Наташка, подперев голову рукой, бесцельно водила кисточкой по бумаге. Главная зебра не рисовалась. Все нормальные белые зебры с черными полосками получились замечательно, а эта – ну ни в какую! А как без нее в Наташкиной саванне? Как без верблюда на айсберге.

Наташка бросила кисть в баночку с водой и подошла к окну. Во дворе жизнь набегала морскими волнами. Кто-то носился на роликах, кто-то на самокате, возле качелей дрались мальчишки, на ближайшей скамейке девушки от пяти до семнадцати лет осваивали чей-то косметический набор, и никому не было дела до Наташки Цаплиной из квартиры 134, которая не любит цифры и получает по математике двойки. За это ее не отпускали гулять – чтобы сидела и долбила эти чертовы дроби. А у нее и так нет друзей ни в школе, ни во дворе, потому что она молчаливая, грустная, не любит компьютерные игры и у нее нет даже простенького смартфона. Зачем он ей, если никто кроме мамы и папы не позвонит? А еще высокая и сутулая, как серая цапля, ее так и обзывают: «Серая Цаплина».

«И что они прицепились с этим сложением дробей? Одна вторая плюс одна вторая – равно единице... Чушь какая-то! Смотри, что складывать: если сыпучее, то может из двух половинок сахара целая ложка и получится, а если две половинки бумажного листа, то, как их не склеивай, все равно целый лист не получится. Попробуй на таком листе акварелью что-нибудь написать! А если эти половинки разных цветов? Что они, возьмут да смешаются?» – размышляла Наташка.

Она вернулась к акварели. По бумаге ползал мокрый шмель. Он побывал в формочке с черной краской, и теперь двигался по силуэту черной зебры, исправлял Наташкины ошибки. Черная зебра стала оживать, а потом побежала, чтобы столкнуться с белыми зебрами и в них раствориться, оставив после себя черные полоски. Это было здорово!

Откуда взялся этот шмель? Не было слышно жужжания. Он, наверное, тихо вполз в открытую форточку. Такой умница, а почему-то не может летать.

Наташка аккуратно взяла двумя пальцами шмеля, промыла в чистой воде и положила сушиться на чистый лист бумаги. Пока шмель сушилась, Наташка читала 2-й том Брема. Она нашла то, что искала среди «Насекомых с полным превращением». В двадцать восьмом отряде «Перепончатокрылых». Прочитав про две пары перепончатых крыльев, Наташка взяла большую папину лупу и внимательно рассмотрела шмеля. Талантливый художник оказался калекой – отсутствовало заднее правое крылышко. Это было несправедливо! Несправедливо, как и многое другое в этом мире.

Она поместила шмеля в спичечный коробок, захватила акварель, и, несмотря на запрет, вышла на улицу. Где находится ближайшая ветлечебница, она знала хорошо. Многие одноклассники таскали туда своих питомцев.

В приемной пришлось сидеть долго, да еще все приставали с расспросами, кого Наташка принесла. Она коротко отвечала, что пришла на консультацию. Какая-то бабка все время норовила влезть без очереди со своим жирным шпиком, требуя срочно поставить ему клизму. Когда в очередной раз она прицепилась с этим к вышедшей из кабинета медсестре, то та посоветовала:

– Не приставайте с этим к нашему доктору Павлу Петровичу, а то он вам самой поставит клизму.

– Безобразие! Хамство! – закричала бабка. – Я буду на вас жаловаться.

– Жалуйтесь, – устало сказала медсестра, – в Лигу обожравшихся собак. Позвоните в МЧС, там вам телефон дадут.

Наташка была последней в очереди, как и всегда. Перед ней в кабинет вошла красивая молодая женщина с белым персидским котенком, пробыла в кабинете недолго и выбежала, не прощаясь и не закрыв дверь.

– Сволочи! Их бы самих кастрировать, а потом заставить сидеть в четырех стенах, — неслось из кабинета.

– Что у вас? – спросил Павел Петрович, не поднимая головы, когда Наташка вошла в кабинет. Он оказался худым, налысо бритым юношей с очками на длинном носу.

– Шмель, – сказала Наташка и торопливо, чтобы не выгнали из кабинета, принялась открывать спичечную коробку. – У него нет одного крылышка, поэтому он не может летать, а ведь он художник. Вот посмотрите, как он зебру в саванне нарисовал.

Павел Петрович тупо уставился на Наташку, которая держала на ладони левой руки шмеля, а в правой руке рисунок, и спросил:

– Ты что, усыпить его хочешь?

– Да нет, я хочу, чтобы он летал! Крыло можно сделать! – Наташка аккуратно поместила шмеля в коробок и, пока Павел Петрович не опомнился, принялась на обратной стороне акварели быстро набрасывать ячеистую схему недостающего крыла.

– Ведь это заднее крылышко. Можно прицепиться к переднему – ведущему крылу!

– Стоп, – прокашлялся Павел Петрович – дельтапланерист с тремя переломами конечностей. – А материал? Из чего я тебе это крыло выкрою?

– Трансплантация! – воскликнула Наташка. – В городе ежедневно погибают тысячи перепончатокрылых, – и подняла глаза на строгого ветеринара.

Павел Петрович с интересом рассматривал Наташку. Такое существо ему еще не попадалось.

– Так, – после некоторого раздумья произнес ПП. – Завтра в это же время. И прихвати с собой побольше этих... трансплантатов, и необязательно шмелиных. Можно от ос, пчел, стрекоз – словом, от других перепончатокрылых. Рисунок оставь, мне надо подумать над схемой крепежа крыла.

Наташка выскочила, сжимая в руке коробочку со шмелем, едва успев крикнуть «спасибо» и «до свидания». Оставшись один, ПП не стал изучать схему крыла, он перевернул лист и внимательно рассмотрел акварель. Навстречу стаду белых зебр с черными полосками бежала одна-единственная черная зебра с белыми полосками.

«Они ведь ее растопчут!» – подумал ПП. – «Нельзя им это позволить!»

Дома родители, конечно, высыпали Наташке. Ушла из дома, несмотря на запрет, дверь не закрыла на ключ, а просто захлопнула, оставила окно открытым... Ну и так далее. Наташка ничего не слышала, она думала о перепончатых крыльях.

– Папа, – неожиданно, прервав поток нотаций, спросила Наташка, – а где чаще всего погибают насекомые?

– Какие насекомые? Ты что над нами издеваешься? – Голос почти успокоившейся мамы принялся набирать прежнюю высоту.

– Подожди, – остановил набор высоты маминого голоса папа. – Каких насекомых ты имеешь в виду?

– Перепончатокрылых. Шмелей, ос, пчел, стрекоз...

– Ты, что в активистки «Гринписа» подалась?

– Да нет! Шмелю надо крыло пришить, а то она летать не может, – Наташка открыла спичечный коробок и показала художника.

Папа взял лупу, которой часто пользовался при пайке электронных плат, и принялся разглядывать шмеля.

– Точно одного крылышка нет!

Мама через его плечо также заглянула в лупу.

– Да ну вас к черту с вашими шмелями, микросхемами и двойками по математике, – произнесла в сердцах и ушла смотреть телевизор.

– Как же ты к нему крыло прикрепишь? – спросил папа.

– Крыло будет крепить ветеринар Павел Петрович, мне надо трансплантат найти.

Папа потер переносицу и сказал:

– Прежде всего, это мертвые насекомые возле химически обработанных растений, но их использовать нельзя: они уже отравлены. Остаются паутина, рамы старых окон, в которых насекомые погибают, случайно попав между стекол, а также яркие светильники

На следующий день, пожертвовав своей коллекцией покемонов в пользу корыстолюбивых школьников младших классов, Наташка к шести часам вечера заполучила около десятка дохлых ос и пчел, двух больших шмелей и громадную стрекозу.

Все это богатство она высыпала на стол Павла Петровича. Под микроскопом, с помощью пинцета и скальпеля, он отделил от мертвых шмелей крылышки, а Наташка через большую лупу наблюдала, как он это делает. Затем Павел Петрович поместил шмеля-калеку в склянку с притертой крышкой, предварительно капнув туда немного эфира. Они подождали, пока шмель уснет, и приступили к операции. К удивлению Наташки, ПП не стал пришивать шмелю чужое крыло. Вместо этого он обвил шмеля прозрачным пластиковым кольцом с небольшим выступом и к этому выступу «Герметиком» подклеил крылышко-протез. Со стороны целого крылышка кольцо было чуть толще. «Это чтобы выступ не перевешивал», – догадалась Наташка.

Она сидела, как на иголках, пока шмель просыпался. Наконец очнулся. Павел Петрович дал ему немного поползать, чтобы он окончательно пришел в себя, а затем высоко его подбросил, предварительно расстелив на полу старый халат. Почувствовав, что падает, шмель отчаянно загудел и затрепыхался живыми крылышками. На мгновение завис в воздухе... и полетел, слегка накренившись на покалеченный бок.

– Получилось! – крикнула Наташка и захлопала в ладоши.

Шмель кружил под потолком, вначале медленно, испытывая новое крыло, потом быстрее, а, приноровившись, принялся выписывать виражи. Павел Петрович сел за компьютер и кликнул несколько раз «мышью».

Вряд ли кто-нибудь, кроме стремительных фигуристов, пытался использовать «Полет шмеля» Римского-Корсакова для танца, и великий композитор, наверное, удивился бы, если бы увидел, как под его музыку, доносящуюся из диковинного сооружения, кружится нескладная долговязая девочка. А может быть, он бы изумился тому, что молодого человека в белом халате вообще не интересует музыка: его интересует шмель, летающий по комнате, – «Сможет ли шмель планировать, если к нему прикрепить крылья большой стрекозы?» – и этот молодой человек через несколько дней прыгнет с вершины телебашни, чтобы пролететь над городом на дельтаплане, на правом крыле которого танцующая девочка нарисует черную зебру.

А может быть, великий композитор ничему бы не удивился и написал музыку о девочке, танцующей со шмелем, о юноше, парящем над городом, и о черной зебре с белыми полосками.

Возвращение Бурка

В Митиной квартире географические карты заменяли обои. Все шкафы, включая платяные, заполняли книги о странах, континентах и великих путешественниках, а вместо статуэток, вазочек, горшков с цветами и прочей домашней утвари во всех комнатах располагались глобусы – малюсенькие, маленькие, большие и большущие. Отдельную территорию в папином рабочем кабинете напротив письменного стола занимал громадный Глобусэр. Его так называли, потому что он пользовался особенным уважением папы. Митя тоже любил Глобусэра – за ним можно было спокойно прятаться от бабушки, когда она пыталась усадить Митю за уроки.

Папа преподавал в Университете общую географию. Он не просто любил географию, такая характеристика его отношения к этой дисциплине нанесла бы ему обиду, он ее боготворил. Долгое время папа был увлечен идеей издания научно-популярного журнала «География – сила». На обложке первого номера, по папиному замыслу, человек в клетчатой рубашке с закатанными рукавами и строительном комбинезоне, должен был катить Земной шар. Потом папа решил, что название «География и жизнь» подойдет лучше, и в этом случае обложку украсило бы фото, на котором обнаженные люди – мужчины, женщины и дети облепили бы земной шар, словно нудисты громадный пляжный мяч. Однако голые ягодицы на обложке были несовместимы с высоким предназначением журнала, их нужно было прикрыть трусами, а на женщин еще нацепить бюстгальтеры – папа не был сторонником «топлес» моды. Получалась совсем нелепица, которую легко было спутать с журналами типа «Туризм и отдых», и папа, запутавшись с обложкой, на время отставил свой проект.

Из-за травмы коленной чашечки левой ноги, полученной в детстве, папе не удалось стать великим путешественником и первооткрывателем, но к этой великой миссии он готовил сына. При рождении наследника папа попытался назвать его Миклухо-Маклаем, и только благодаря титаническим усилиям мамы младенцу присвоили имя Дмитрий. По версии, приготовленной для папы, в честь Дмитрия Донского. Вообще, озорная и веселая мама время от времени охлаждала непомерную папину «географофилию». Ее невинные, с чертиками в глазах, вопросы о том, что нельзя ли заказать плафоны для люстр, стилизованные под глобусы, или договориться с каким-нибудь продовольственным магазином, чтобы специально для их семьи отбирали яйца с пятнами, похожими на контуры материков, приводили наивного папу в замешательство. Но именно мама, привлеки бабушку, не поленилась изваять на папин день рождения громадный торт, на поверхности которого, среди синей глазури, кусочки фруктов выстраивали яркую мозаику Земной суши с лесами, пустынями и рельефно возвышались шоколадные горные массивы, посыпанные сахарной пудрой. Папа пришел в полное умиление от этого кулинарного чуда и долго не решался прикоснуться к торту ножом. Он был счастливейшим именинником, которого огорчало только одно обстоятельство – никак не удавалось приобщить к географии Митю.

Папа, рассказывая о какой-нибудь точке Земного шара, экспрессивно водил лазерной указкой по карте мира или стремительно вертел глобус, сын вежливо слушал, но не более того. География Митю не увлекала, его одолевала другая страсть. Целыми днями он мог пребывать в зоопарке и наблюдать за удивительным многообразием жизни. Боевая стойка кобры для него была куда как интересней, чем широта и долгота того места, на котором эта кобра могла располагаться. А медведи? А тигры? Очень хотелось освободить всех узников зоопарка – пусть возвращаются на волю – или облегчить участь, хотя бы, некоторым из них: забрать смешного сурка вместе с чистюлей енотом из грязных клеток к себе домой. Но что там дикие животные, кошка или собака были невозможны в Митиной квартире, потому что могли порвать-поцара-

пать карты и опрокинуть глобусы, а аквариум с безобидными рыбками просто некуда было приткнуть.

И тогда Митя нашел в парке Бурка – молодого, только что из куколки, жука-носорога. Жук сидел на трухлявом ясеневом пне, грелся на солнышке и ждал Митю.

– Пойдем к нам жить, а то тебя какая-нибудь ворона склюнет, – предложил Митя, протянув руку, и жук доверчиво заполз на его ладонь.

Ни мама, ни папа не стали возражать против поселения в Митиной комнате жука, а мама даже ему обрадовалась. Она знала, что сыну скучновато с глобусами, и он слишком много времени проводит за компьютером.

Митя, приоткрыв окно, посадил жука на подоконник, чтобы он не чувствовал себя запертым, и принялся искать в Интернете заметки о содержании и кормлении жуков-носорогов. Оказалось, что этот жук неприхотлив – все, что ему нужно – это влажный дерн – и невероятно силен, самое сильное животное в мире, способное передвигать грузы в десятки и даже сотни раз, превышающие собственный вес. Кроме того, Митя узнал, что жук-носорог живет не больше года.

Только год. Один единственный год, за который нужно прожить жизнь. Из юноши превратиться в мужчину, а потом в седого старика. Митя посмотрел на своего маленького друга и подумал: «А может, целый год жизни? Ну и что из того, что некоторые черепахи живут дольше, чем человек. Они проживают черепашийю жизнь».

– А нам надо многое успеть, – вслух произнес Митя, обращаясь к жуку. – Прежде всего – образование и спорт.

Жук понял, что большой друг разговаривает с ним, приподнял коричневые надкрылья и жужжа перелетел прямо на Митин письменный стол. Прямо как Карлсон! Бурый и сильный, как бурый медведь, даже сильнее. – Бурый Карлсон или сокращенно Бурк! – Так жук-носорог получил имя.

Митя решил начать с физического воспитания (В здоровом теле – здоровый дух!). Разыскал среди оставшихся детских игрушек маленький самосвал, величиной со спичечный коробок, связал из тесемочек упряжку для Бурка, привязал ее к машинке и надел хомутик на жука. Бурк оказался очень сообразительным и легко покатил самосвал, следуя по пятам за Митей. Катать туда-сюда пустой самосвал было глупо, и Митя, открыв дверь своей комнаты, отправился с Бурком на кухню.

– Осторожно! Смотрите под ноги! – кричал Митя. – Мы будем возить конфеты к вечернему чаю.

От Митино крика и, более того, от громко заявленного желания помочь в коридор выскочили все домашние: бабушка из кухни с полным заварочником, мама из ванной с одним накрашенным глазом – она смывала косметику, и папа в одном тапке. Дело в том, что Митя последний раз кричал, когда был младенцем, а помощник в домашнем хозяйстве из него был никакой, в крайнем случае, он мог сходить за хлебом.

– Освободите дорогу Бурку! Он же не ишак, чтобы кричать «Иа! Иа!», – продолжал звать Митя.

Огибая застывшие фигуры папы, мамы и бабушки, Бурк приехал на кухню. Митя, продлевая эффект внезапности, при полном молчании взрослых, нагрузил кузов самосвала конфетами, а сам, прихватив сахарницу и вазочку с вареньем, двинулся вместе с Бурком в гостиную.

– Наконец в доме появился хозяйственный мужик, – нарушила молчание мама. – Бурк с чем чай пьет? – спросила она Митю.

– С трухой, – ответил на ходу Митя.

– Как я сама не догадалась, – сказала мама. – Сейчас я ему стаканчик дам.

Она отвинтила колпачок от использованного тюбика с зубной пастой и положила в кузов самосвала поверх конфет.

Давно не было так весело во время вечернего чая. Бурк расположился на столе рядом с Митиной чашкой и играл со своим пластиковым стаканчиком. От конфеты он отказался, но с большим интересом отнесся к бумажной обертке. Залез в нее и стал заворачиваться. Ловкая мама взяла и совсем упаковала его в обертку. Конфета ожила и начала заваливаться с боку на бок. Даже всегда серьезный папа захохотал. Митя освободил Бурка, ведь жук мог обидеться, что над ним смеются. Несколько минут молча пили чай, а потом в гостиной появилась гудящая муха и принялась выписывать виражи вокруг сахарницы.

– Так, – сказала мама, – гостя из мусорника.

Бурк взлетел без разбега. Он точно рассчитал и сбил муху лобовым ударом. Муха упала на стол кверху лапами, и мама щелчком убрала ее со стола.

– Авиация не дремлет! Слава «Русскому витязю»! – воскликнула мама, а Бурк опустил на ее руку.

– Черт возьми! Он еще и галантный кавалер. Дамам руки целует за комплементы, – продолжила хвалить Бурка мама.

После вечернего чая Митя читал Бурку сказки «Похождения жука-носорога» Константина Паустовского и «Пумпин сад» Ольги Форш, которые нашел в Интернете. Сказки очень понравились. Бурк неподвижно сидел возле монитора, наблюдая за появляющимися и исчезающими жуками-буквами и слушая об удивительных приключениях своих сородичей. Митя про себя подумал, что Паустовский ошибся, не мог жук-носорог прожить четыре военных года, но с другой стороны это случилось в сказке. В солдатской сказке.

Укладываясь спать, Митя строго-настрого велел Бурку ночью не ползать по полу, а в случае какой-нибудь нужды совершать перелеты. Бурк кивнул в знак согласия. Засыпая, Митя решил, что самое подходящее образование для летающего жука географическое, так как он должен ориентироваться при полетах.

Папа согласился учить Бурка географии, при условии, что на занятиях будет присутствовать Митя. Более того, Мите вменялось в обязанность проверка домашних заданий. Первое занятие было посвящено материкам и островам. Про континенты папа с Митей решили жуку не рассказывать, справедливо полагая, что он может запутаться между Европой, Азией и Евразией. Бурк быстро освоился и, когда слышал «Австралия», подлетал к карте и садился на соответствующий материк. На островной тематике папа и Митя немножко поспорили, так как было неясно, как Бурк будет показывать маленькие острова, если на карте он их закрывает, прихватывая соседние. Потом решили, что жуку виднее, главное, чтобы он не путал группы островов. Митя предложил проверить знания Бурка на Глобусэре, и папа, увлекшись, сразу поставил перед Бурком сложную задачу. Он подошел к Глобусэру и сказал: «Мадагаскар», при этом остров находился на невидимой для папы, Мити и жука стороне глобуса. Бурк поднялся в воздух, два раза облетел вокруг Глобусэра, а на третьем круге приземлился на его теневой части. Митя аккуратно повернул Земной шар. Бурк сидел на острове Мадагаскар.

– Это круто, – вдруг произнес папа.

Митя никогда не слышал, чтобы он говорил на сленге.

– Я бы сказал «прикольно», – добавил папа, подошел к письменному столу и сел в кресло. Некоторое время он задумчиво смотрел на Митю и Бурка, который устал неподвижно сидеть и ползал по захваченному острову, не вылезая за его пределы. Потом папа поднялся и достал с полки маленький глобус Луны. «Африка», – произнес папа и указал Бурку двумя ладонями на Луну. Бурк снялся с Глобусэра, полетал вокруг Луны, а потом сел на папины очки, закрыв правый глаз, и принялся возмущенно жужжать, трепеща крыльями.

– Ишь, какой горячий! – удивился папа, снимая очки. – Ну, извини, никак не хотел тебя обидеть. Это не издевка. Это научный эксперимент.

Жук слез с очков и принялся ходить взад-вперед перед папой по столу время от времени недовольно жужжа, как человек еще не забывший обиду.

– Папа, – произнес Митя, – а он не хочет, чтобы над ним ставили эксперименты.

– *Они все не хотят, чтобы над ними ставили эксперименты! Только люди редко над этим задумываются*, – сказал папа. – Все тема закрыта! Продолжаем занятие.

Ни папа, ни Митя, ни Бурк больше никогда не вспоминали об этом инциденте.

Второе занятие было посвящено океанам, морям, рекам и озерам. У Бурка возникла проблема с определением границ морей в океане, и папа сказал, что достаточно правильно указывать береговую линию. Бурку особенно понравились реки, он ползал по неровным синим венам Земли от устья до дельты, совершенно не путая Лену с Енисеем.

На седьмое занятие, которое пришлось на воскресный день, папа пригласил своего коллегу по Университету, биолога, профессора Собачкина. На этом занятии закреплялся пройденный материал. Профессор Собачкин ахал и кричал: «Не может быть! Глазам своим не верю!», когда Бурк приземлялся именно в Копенгагене, а не в Берлине, или в каком-нибудь ином месте. Более того, Бурк обогнул Земной шар по экватору, а потом безошибочно повторил кругосветный маршрут экспедиции Магеллана.

Собачкин пришел в неописуемый восторг и принялся упрашивать Митю с папой устроить показательное занятие Бурка в Университете. Мите очень не хотелось, чтобы Бурка воспринимали как цирковую собачку, которая отгадывает числа, да и папе шумиха не нравилась, однако Собачкин не унимался, напирая на то, что такие удивительные факты нельзя скрывать от научного сообщества.

Папа посоветовался с Митей, и они решили, что Бурк выступит в Университете, но на закрытом совместном заседании ученых Географического и Биологического факультетов и в отсутствие журналистов.

Профессор Собачкин сдержал слово. Через неделю, в понедельник, состоялось закрытое заседание ученых двух заинтересованных факультетов. Показательное занятие Бурка, который за прошедшие восемь дней набрался новых знаний, прошло с ошеломляющим успехом. На экран с помощью компьютера проецировали участки Земной поверхности в разном масштабе, но Бурка это не смущало, и он находил называемые папой географические объекты. Жуку долго аплодировали. Потом биологи стали упрашивать, чтобы им отдали Бурка на короткое время для исследований, но Митя с папой наотрез отказали им в этой просьбе.

По-видимому, не все присутствовавшие на заседании умели держать слово, как профессор Собачкин, и через несколько дней, вначале в отечественной, а затем в зарубежной печати появились сообщения о необычном жуке-географе. Некоторые заметки были написаны с насмешкой. Журналисты изошрялись в остроумии, придумывая все новые названия для своих статей – «Университетские жуки», «Жуки сели за парты», «Жуки и чудачки». Однако Королевское географическое общество Великобритании прислало на Географический факультет Университета официальное письмо, в котором просило сообщить, насколько обоснованы сведения, появившиеся в печати о жуке-географе, и приглашало российского ученого, обнаружившего этот феномен природы, разумеется, вместе с самим феноменом, принять участие в своем ближайшем заседании. Была затронута честь отечественной науки, и нужно было принять вызов. Между тем в Интернет просочилась информация, что анонимный сингапурский миллионер, энтомолог-любитель, готов заплатить за такого жука, если он, конечно, существует 5 млн. американских долларов.

Папа очень хотел, чтобы на заседании присутствовал Митя, как главный первооткрыватель Бурка, и Королевское географическое общество согласилось с этим условием.

Препятствие, как всегда, оказалось формальным и бумажным. У Мити не было загранпаспорта, так как он еще ни разу не ездил в другие страны. Митя сильно огорчился, но не столько тому, что не увидит Лондон, а тому, что на несколько дней придется расстаться с другом. Он долго беседовал с Бурком о предстоящей поездке, о ее важности и необходимости. Бурк не видел необходимости, впрочем, Митя тоже. *Зачем доказывать незнакомым людям,*

что у тебя умный и образованный друг? С папой беседу проводить не пришлось, так как он сам понимал, насколько ему доверяет сын, отправляя в далекую страну своего маленького друга.

Мама и Митя проводили папу с Бурком на самолет, улетавший в Лондон. Для Бурка заготовили бумагу с печатью, согласно которой, он прошел ветеринарный контроль и не представляет опасности для людей и животных, особенно для жуков Великобритании.

Заседание Королевского географического Общества, на котором папа представил Бурка, состоялось на следующий день. Фрагменты видеозаписи заседания были показаны по телевидению во всех информационных программах, и Митя видел, как вытягивались лица у чопорных английских ученых по мере выступления папы и Бурка. Вместе с мамой и бабушкой, он несколько раз, переключаясь с канала на канал, просмотрел эти видеофрагменты. Вечером позвонил возбужденный папа и рассказал подробности заседания, цитируя высказывания известных ученых, ставших свидетелями столь необычного явления. Потом папа попросил Бурка поужжать в телефонную трубку, чтобы все убедились, что он в полном здравии...

На следующее утро, когда еще все в доме спали, папа позвонил еще раз. Голос его можно было узнать с трудом. Из сбивчивого рассказа удалось понять, что Бурка похитили, пока папа мылся в душе. Чувствовалось, что папе неловко и очень стыдно перед Митей.

Три дня Митя пролежал в своей комнате на диване, отвернувшись к стене. Он не поехал встречать папу, об этом попросила мама, и не прикоснулся к подаркам, привезенным из Лондона. По приезде папа каждый вечер приходил к окаменевшему Мите и молча гладил его по голове. Бабушка приносила Митины любимые лакомства, но он только пил минеральную воду и опять укладывался на диван. На четвертый день мама вошла в Митину комнату и сказала:

– Поднимайся, сын. Начинай ходить. К сожалению, у тебя еще много будет в жизни потерь. Привыкай держать удар.

Митя встал с дивана, уткнулся в мамино плечо головой и заплакал.

Дни потихоньку стали распрямляться. Митя опять пропадал в зоопарке. Вечерами, как и прежде, вся семья собирались за вечерним чаем. Мама старалась рассказать что-нибудь веселое, но сын только корчил гримасы, похожие на улыбку. Как-то прилетела муха, нарушив натянутое веселье, и бабушка наотмашь прибила ее полотенцем.

Хорошо, что наступило лето, закончились занятия в школе, и Митю с бабушкой отправили на дачу. В первое время Митя сутками пропадал на речке, изредка забегая к бабушке что-нибудь пожевать. Потом Митя обнаружил маленькую пасеку на одном из отдаленных дачных участков и лохматого деда, которого с окружающим миром связывали только пчелы. Дед заметил мальчика, который из-за изгороди с интересом рассматривал его священнодействия с ульями и молча открыл ему калитку. Митя стал приходить на пасеку каждый день, и нелюбимый дед, объясняя короткими фразами поведение пчел, постепенно снизошел до пространственных рассказов. Перед Митей открылся незнакомый ему пчелиный мир с его жесткой иерархией и военной дисциплиной. Алексей Кириллович, так звали деда, не только умел обращаться с пчелами, но и много о них читал. Как-то он стал рассказывать о пчелах-убийцах – гибриде африканских и европейских пчел, который вывели люди в надежде на то, что скрещивание даст возможность получать больше меда, и заметил, что, даже руководствуясь благими побуждениями, люди создают орудия убийства.

– Как это? – спросил Митя.

– А так, – ответил дед, – Игорь Сикорский создал прекрасный летательный аппарат – вертолет, который способен быстро доставлять людей и тяжеленные грузы в самые труднодоступные места, а используется это гениальное изобретение, прежде всего, в военных целях.

Оказалось, что Алексей Кириллович до того, как управлять пчелами, управлял «вертушками» – боевыми вертолетами.

– И на войне? – спросил Митя.

– Да, – процедил дед. – Только я не свой улей защищал, а разрушал чужой, и больше ста чужих пчел положил из крупнокалиберного пулемета.

По дороге на свою дачу Митя размышлял над тем, что сказал Алексей Кириллович. Он знал, что его прадеды воевали с фашистами, и решил, что надо хорошенько расспросить об этом бабушку.

В конце концов, закончилось пчелиное лето и школьные каникулы. Пора было возвращаться в город. Митя зашел к Алексею Кирилловичу попрощаться. Они очень сдружились, и Митя даже как-то рассказал ему о Бурке. Дед подарил ему трехлитровую банку с медом и коротко сказал.

– Жду тебя следующим летом.

Вечер восьмого сентября не предвещал ничего особенного. Семья, как обычно, пила чай. Вдруг бабушка, сидевшая напротив входной двери в гостиную, запричитала:

– Свят! Свят! Свят! Чур, не нас!

Мама, папа и Митя мгновенно повернули головы в сторону дверного проема. В комнату без посторонней помощи медленно въезжал маленький игрушечный самосвал. Внезапно самосвал неловко накренился на правую сторону и перевернулся, вращая колесиками, а за игрушкой появился...

– Бурк вернулся! – закричал Митя, вскочив со стула. – Бурк вернулся.

В гостиной остывал чай, налитый в чашки, а в папином кабинете Бурк, двигаясь по громадному Глобусэру, показывал Мите, маме, папе и бабушке маршрут своего возвращения из Сингапура. Свою дорогу домой.

«Осталось пять или шесть месяцев, – подумал Митя, наблюдая за Бурком, – а, может быть, только сегодняшний вечер, ради которого он добирался до своих близких».

Неделя вторая

Алая раковина сердца

Хорошо было Сережке, он дремал возле шофера, честно выполнив обязанности свидетеля. Поставил подпись, выпил за здоровье молодых и теперь, склонив голову, тихо сопел в две дырочки. Глебу было хуже, он мог прикрыть глаза, и чем-нибудь заткнуть уши, но некуда было деваться от рук молодой супруги. Новобрачная, не переставая, лапала Глеба – свежее испеченного мужа. Открыто, как бы афишируя, что это теперь ее имущество, она поглаживала ногу Глеба и нашептывала, что с ним сделает ночью. Но это не так раздражало, как прикосновения влажных ладоней и мокрых губ, когда казалось, лягушка шлепается на щеки, лоб и шею. Впрочем, в машине сидела еще одна лягушка – свидетельница, школьная подруга молодой супруги, ее активная болельщица на свадебной церемонии, но с ней Глебу, спаси и сохрани, не нужно было проводить брачную ночь.

Мрачное настроение отчасти скрашивали остальные машины свадебного кортежа. Сидящие в них гости веселились, как могли, приставая к каждому встречному со стаканом, как с ножом к горлу. То и дело из машин кто-нибудь вываливался, процессия останавливалась, и потерянного с гиканьем и визгом запихивали назад. Умудрились напоить французским шампанским двух автоинспекторов. Потом подобрали на дороге какого-то старого желудя в ватнике. Он спрашивал, кто невеста, и лез ко всем целоваться.

Жаль, что Сережка дремлет, он бы обогатил эти нехитрые развлечения великолепными комментариями. Нет, пусть лучше спит, а то начнет говорить – не остановишь. И без того тошно.

– Глеб, что ты наделал? Зачем тебе эта чужая женщина? Ты попался, страшно попался. Теперь ты ее собственность. Она будет читать твои письма, устраивать скандалы из-за десятиминутных опозданий, толочься возле тебя во время телефонных разговоров и ревновать, жутко и беспричинно. Ты будешь уходить, но никогда не уйдешь. Тебя не отпустит эта красивая, сильная и образованная стерва.

– Спи, Сережа, спи, брат. Помнишь, как мы ездили, сорвавшись с занятий, на осеннее море? Сильно штормило, и волна вынесла раковину. На темные гниющие водоросли алую раковину, похожую на человеческое сердце. Раковина была хрупкой и тонкой, со множеством темных закоулков. Я поднял ее и почувствовал тепло, как будто моя ладонь сжимала чью-то маленькую и мягкую ладошку. Я поднес ее к уху и прислушался. «Мой милый», – прошептала раковина, а может, прощуршал песок. «Мой милый», – повторила раковина, и невидимые пальцы коснулись моих волос, а может быть, это был ветер. «Мой милый», – пропела раковина, и мне на щеку упала слезинка. Стекая, слезинка коснулась губ, и я почувствовал, что она соленая, а может быть, это была капелька морской воды. Так захотелось стать маленьким-маленьким муравьем, побежать по перламутру раковины и в одном из ее закоулков увидеть ту, что меня зовет. Но резко крикнула чайка, тяжелый плоский камень прилетел, рассекая воздух, и разбил алую раковину на моих ладонях. Она рассыпалась на крошечные осколки, и появилась капелька крови. Это один из осколков порезал ладонь. А может быть, это была не моя кровь?

Я не знаю, кто бросил этот камень! Может, холодное безжалостное море, а может, завистливая горластая чайка. Ведь кто-то бросил камень в сердце, и я не нашел ЕЕ. Я не нашел ЕЕ, и мне закружили голову наглые крикливые чайки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.